

Дина Типпиус

Чужая здесь,
не своя там

Том первый

16+

Рина Гиппиус
Чужая здесь, не своя
там. Том первый
Серия «Дорогами Адарики», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487211
SelfPub; 2020*

Аннотация

С одной стороны, Астари – пленница. С другой – она воспитанница в семье, где ее приняли и любят. С одной стороны, ей не позволили заниматься магией. С другой – запреты так хочется нарушить. С одной стороны, она хочет любви. А с другой...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	37
Глава 3	62
Глава 4	95
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Пролог

Эрнелд Шевал сидел в своем кабинете. Выглядело помещение запущенным, несмотря на роскошную обстановку. Тут давно не прибирали, и пыль серым налетом покрывала все поверхности, кроме тех мест на столе, которые генерал протер ненароком рукавами. Чего сам он и не замечал.

Мужчина невидящим взглядом смотрел перед собой.

Вчера он собственной рукой подписал пакт о капитуляции. Подписал, чтобы остановить уже бессмысленное кровопролитие¹. Вемунд Скалдоварийский ² словно был уже готов к этому. И тут же на стол теперь уже бывшего главнокомандующего армией Вадомы легли указы о разделении его государства. Но это не самое страшное. В данный момент генералу было плевать на все земли Вадомы вместе взятые и тем более плевать на своего короля – Роара Нетерзаха. Недолго еще эта трусливая крыса сможет скрываться – рано или поздно все равно найдут.

С последним условием мирного договора генерал Шевал смириться не желал, но и не последовать ему тоже не мог.

«Все военные бывшего государства Вадомы, а теперь зе-

¹ Подробнее о том, что послужило причиной военных действий описывается в романе «Цветы цвета неба»

² Вемунд Скалдоварийский – глава государства Адария

мель Дрина и Арбери, звания капитана и выше обязуются отправить своих старших сыновей в Адарию и Камарин соответственно».

Так гласил этот последний пункт. А далее шли уточнения и списки тех, кто должен это условие выполнить, с полным перечнем имен сыновей несчастных отцов. Вот только у самого генерала был один единственный ребенок – дочь Астари, девчушка девяти лет от роду. И никто исключения делать не собирался. Его дочь также значилась в списке, хоть ее имя и было единственным женским. И теперь любимое дитя сурового воина должно отправиться в Адарию в качестве пленницы, как и несколько сотен других мальчишек, парней и уже мужчин, дабы вадомийцам не пришлось в голову мстить Адарии и Камарину.

«Государства-победители обязуются не причинять вред своим заложникам. Им будут предоставлены жилье и условия, соответствующие их статусу. Их никто не будет притеснять, они вольны заниматься тем, чем пожелают сами, не покидая поля зрения своих кураторов. Но свободы в полном смысле никто не даст – проживать заложники будут в строго отведенном месте (будь то город или другое поселение) и пределы этого места смогут покидать только с соответствующего разрешения кураторов и вышестоящих лиц».

Места поселения заложников, правда, еще не определили. Или, что вероятнее всего, определили, но родственникам их не сообщали.

Генерал Шевал понимал всю подоплеку подобного решения. Понимал, но не принимал.

Сейчас его жена и дочь находились в трех месяцах пути от Дрины, в землях, принадлежащих роду Гуннел – роду жены генерала. До замужества она проживала в Зедениве. Стране, где большая часть территории была степями, переходящими в засушливые пустыни. Где было всего несколько крупных городов, да пару десятков мелких. В основном жители этой страны предпочитали вести кочевой образ жизни, зарабатывая себе на жизнь продажей скота, который пасли на бескрайних степях. Земледелием в Зедениве занимались преимущественно обосновавшиеся здесь иностранцы.

Гуннел была дочерью главы крупного рода. Эрнелд встретился с ней случайно, когда ездил в Зеденив по поручению своего короля.

Эрнелд просто не мог оторвать взгляд от ее фигуры в первую встречу. Высокая, статная, стройная, грациозная. Гуннел тогда восседала на лошади без седла. Ее роскошные черные волосы мелкими кудрями развевались на ветру и подпрыгивали, как пружинки, когда она неслась вскачь. Одета Гуннел была в серую домотканую тунику и кожаные штаны, которые плотно облегли ее ноги. Обута же была в

грубые, больше походящие на мужские сапоги.

Эрнелд проводил ее глазами, старясь ни на секунду не выпустить из виду. При всем при этом она не обладала красотой. Резкие черты лица, смоляные густые брови вразлет, смуглая то ли от природы, то ли под действием яркого зеденивского солнца. Но вот глаза... желтые, как у хищников из кошачьих. Они сразу же привлекали внимание. В них было страшно смотреть, в них затягивало так, что оторваться было практически невозможно.

Слишком неоднозначное впечатление произвела на Шевала эта дочь степи. Она, не стесняясь, встречала взгляд чужака. Вот только когда он обратился к ней, заносчиво подняла голову и сделала вид, что не поняла его слов. Хотя она точно знала язык, на котором ей задали вопрос. Правда, это Эрнелд узнал чуть позже. Узнал он и то, что это была всего лишь защитная реакция. Гордую и непокорную Гуннел отец давно хотел отдать замуж. Ее сватали самые знатные и выдающиеся главы родов со всего Зеденива, но никто не задел сердца строптивницы. А этот странный чужестранец одним взглядом своих темных, словно самые спелые вишни, глаз сумел зажечь в ее груди огонек, которому суждено было разгореться яркой страстью.

В тот же день Эрнелд узнал, кем является та самая девушка, случайно попавшаяся ему на пути и при этом сумевшая оставить столь неизгладимое впечатление. Он пришел к отцу Гуннел и по обычаям степей попросил ее руки. Расчетливый,

хладнокровный, порой даже слишком практичный и рациональный, Шевал за одну короткую встречу сумел решить, что только эта женщина будет его женой. Глава рода поставил условие: если Эрнелд сумеет победить самого сильного их воина, то он благословит брак. И вадомиеец победил, к большому удивлению всех. Но осталось самое главное препятствие – сама Гуннел. Зеденивцы – народ вольный, свободный. И если девушка не дает согласие на союз, то и заставить ее отец не сможет. Он может дать только благословение на брак.

В этот вечер собравшимся пришлось удивиться вновь. Не желавшая ранее показываться на глаза чужестранцу, Гуннел вышла из шатра, подошла к Эрнелду и протянула собственноручно вышитый плащ. Это и означало согласие.

Той же ночью состоялась свадьба по-зеденивски. До утра гулял род Эттов.

Все дела, которые возложил на Шевала король Вадомы, в этой стране он уже выполнил, задержавшись лишь на один день из-за Гуннел. Поэтому с рассветом Эрнелд вместе с женой уехал домой. По приезду они уже обручились по обычаям Вадомы в храме Рауда.

Эрнелд также узнал, что на самом деле Гуннел его сама себе нагадала. В роду Эттов часто у женщин был дар предвидения. У Гуннел он был, но давал о себе знать довольно редко. И перед встречей с вадомийцем Гуннел раскидывала камни – она хотела узнать, как пройдет сделка с другим ро-

дом, с которым собирались заключить соглашение о продаже большого количества скота. А вместо этого девушка узнала, что встретит свою судьбу.

Первое время молодоженам пришлось нелегко: разность в обычаях, мировоззрении, темпераментов – все это приходилось преодолевать. Но они справились. Единственное, что их огорчало, – отсутствие детей. Целители только руками разводили.

На десятом году их совместной жизни Гуннел наконец родила дочь – недоношенную, слабенькую. Но и с этим они справились. Целителям были отданы немалые суммы денег, да и сама Гуннел неплохо разбиралась в лекастве. Дочь выходили. Теперь уже счастьем их не было предела.

Малышка причудливо несла в себе переплетение черт своих родителей. Волосы, цвет глаз и кожи она унаследовала от матери, а черты лица смягчились влиянием наследственности отца. Сам Эрнелд обладал внешностью типичной для аристократа. Ровные, изящные линии носа, бровей, скулы – все это досталось и его дочери. Рот, правда, был несколько широковат. Вот только Асти все равно не выглядела красавицей. В ней ощущалась все та же дикость, необузданность, которая так и не смогла исчезнуть из ее матери, даже под воздействием тихого и мирного проживания в качестве благородной аристократки Вадомы.

Слишком необычна была внешность девочки. Она обращала на себя внимание, но не как обычные дети, которым

умилялись и про которых говорили, что они чудо как хороши. Асти удивлялись, некоторые даже восхищались, но с ее оценками были осторожны, тем более, что ее отец стал третьим человеком в государстве.

И если Эрнелд и обращал внимание на то, что его жену и дочь местное высшее общество не принимает за своих, то близко к сердцу это не воспринимал. Тем более гордая Гуннел не считала достойным считаться с мнением этих напыщенных снобов.

Генерал Шевал не поддерживал стремление своего короля Роара в развязывании войны с Адарией. Он всячески пытался отговорить короля, а самое главное старшего помощника короля – Арнгера, который и держал фактически всю власть в своих руках. Даже при наличии большого количества зогвур у Вадомы, добытого также нечестным путем, было слишком мало шансов одержать победу. Но случилось так, как случилось.

Свою семью Шевал до начала войны отвез к Эттам.

И вот теперь ему предстояло сообщить своим девочкам о таком страшном ударе. В довершении к этому, буквально позавчера, Эрнелд узнал, что скоро станет отцом во второй раз. Вот-вот Гуннел родит сына. Жена не стала говорить раньше времени, чтобы не отвлекать его.

Генерал вынырнул из своих воспоминаний. Окинул уже осмысленным взглядом свой некогда любимый кабинет в доме, который был ему теперь противен пуще тюрьмы. Тут

он когда-то был счастлив со своей семьей. А теперь из-за священной присяги своему королю-идиоту он собственными руками разрушит свою семью.

Эрнелд только сейчас заметил, что он в пыли. Он встал, отряхнулся и пошел собирать вещи. Предстоял долгий путь за дочерью. Адария ждать долго не намерена.

Глава 1

Спустя десять лет

Жутко раздражало, когда на меня паялились окружающие, словно я диковинная зверушка, случайно забредшая туда, где ее никто не ждал. И все же я безумно любила танцевать. Именно эта любовь и пересиливала все остальное каждый раз на балу. Сегодня как раз и должен был состояться бал, который проводился раз в три месяца наместником Ровенисии.

– Рини, ну сколько можно спать!? – вопрошала я, пытаюсь разбудить свою подругу-соню.

– Аста, будь добра... скройся куда-нибудь! – проворчала она, не оценив моих стараний.

Вообще-то Рини вполне себе тихая, спокойная девушка, которая ни на кого не повышала голос. Она всегда мила и приветлива. Исключение она делала только для меня, да и то, когда я вот так с утра пораньше пыталась ее вытащить из теплой постельки.

– Ну Рини, мы же не успеем, если ты и дальше будет спать! – пыталась достучаться до подруги.

– Бал вечером, у нас весь день впереди! – вновь прорычала Рини.

– Ну и ладно, ну и спи дальше, – обиженно отозвалась я. Пойду лучше завтракать, а эта бука пусть и дальше отле-

живает бока.

– Ладно, – отрывая голову от подушки, пробурчала Рини. – Пять минут, и я буду готова.

Я взвизгнула, подлетела к лежебоке, расцеловала ее в обе щеки и побежала вниз. Надеюсь, матушка Фордис оценит мои старания по почти своевременной доставке Рини к завтраку и разрешит мне наконец-то надеть на предстоящие танцы то шикарное платье бордового цвета. Пошили мне его еще полгода назад, вот только эдель³ Фордис говорила, что мне пока рано в нем выходить в свет. В конце концов мне же теперь не восемнадцать, а девятнадцать. Наверно, можно.

– Асти, ты разбудила Рини? – строго спросила хозяйка дома, как только я зашла в столовую. Она руководила слугами, которые накрывали на стол.

Вчера приехал двоюродный брат эдела Вистара с семьей. К сожалению, это было слишком поздно, и я не успела с ними познакомиться и даже рассмотреть. Когда мы с Рини стояли у окна в ее комнате, которое как раз выходит во внутренний двор, то было уже слишком темно – разобрать что-либо не получалось, а зажженные фонари не давали полного обзора. К тому же матушка с детства не одобряла, если по ночам мы без особой надобности выходили из своих комнат.

«Эдель не пристало бродить ночью по дому!».

– Да, она пообещала быть готовой в течение пяти минут, –

³ Эдель – вежливое обращение к женщине знатного рода. Эдел – к мужчине. Эд, эда, соответственно, обращение к незнатным мужчинам и женщинам.

заверила я матушку Фордис.

– Я, конечно, понимаю, что тебе не терпится начать готовиться к сегодняшнему вечеру, но у нас сегодня гости, поэтому будет неплохо, если ты и им уделишь пару минут своего внимания.

От подобной перспективы я скисла. Мне, безусловно, было любопытно познакомиться с гостями, но я рассчитывала, что это ограничится завтраком, а потом, возможно, и обедом. В перерывах же между ними я уже распланировала свое время, а тут это...

– Хорошо, – согласилась я с просьбой женщины, которую вот уже десять лет называла не иначе как матушка.

– Асти, – окликнула она меня, заметив мое хмурое лицо, – не больше часа после завтрака. Погуляешь с ними по саду, расскажешь о местных достопримечательностях, которые им желательно будет увидеть, и можешь быть свободна.

Я счастливо заулыбалась и по своей излюбленной привычке подбежала расцеловать матушку. Она рассмеялась и замахала на меня руками:

– Неугомонная! – вроде бы и пожурила меня, сказав это строгим голосом, а глаза по-доброму мне улыбались.

– А вот и наша соня появилась, – протянула я, заметив спускавшуюся по лестнице Рини.

И вот как за пять минут она смогла себя привести в порядок, хоть и с помощью горничной?

Подруга не обладала высоким ростом, в отличие от ме-

ня, из-за чего, находясь рядом со мной, люди неоднозначно реагировали на такой контраст. Сегодня Рини решила надеть светло-голубое платье, украшенное изящными кружевами на лифе. С ее светлой кожей и темно-каштановыми волосами оно смотрелось изумительно. Большие синие глаза, аккуратный носик, пухлые губы и высокие скулы – моя подруга такая красавица, что нигде не сыщешь лучше! Я никогда не завидовала ее внешности. Для подобного темного чувства слишком ее любила, хотя по сравнению с ней – я гадкий утенок на фоне прелестного лебедя.

Рини внимательно осмотрела меня, поправила выбившуюся прядь из моего тугого пучка волос, перевязала ленту, которая находилась под лифом моего платья, и приколола мне брошь под воротник.

– Ну вот, – заключила она, – ты теперь выглядишь как истинная эдель.

И подмигнула своей матери, которая при виде этой картины издала смешок. Я лишь закатила глаза. Ну да, за столько лет матушка Фродис так и не смогла толком привить мне утонченные манеры и изысканный вкус той самой истинной эдель. Зато с этим неплохо справлялась Рини. Мне было проще обращаться к ней за помощью, чем самой пытаться сообразить нечто подобающее. Единственное, в чем я обходила свою подругу, – танцы. Ну, и еще была легка на подъем, не задерживаясь надолго в кровати. Моя деятельная натура не позволяла мне так долго находиться без дела.

– Раз ты со своей миссией справилась на отлично, так уж и быть, можешь надеть сегодня бордовое платье, – обратилась ко мне матушка Фродис.

Я во второй раз за сегодняшнее утро чуть не испортила ее прическу, кинувшись к ней с объятиями.

– Ну-ну, будет тебе, – чуть отодвинувшись, произнесла матушка и с недовольным видом попыталась вновь спрятать мою непокорную прядь. Не удалось и пришлось оставить как есть. – Иди лучше позови эдела. За гостями я пошлю Бердхил.

Собственно, за Рини также вполне могла бы сходить и горничная, но эдель Фордис прекрасно знала, что с этим поручением я справлюсь лучше. Как и с тем, чтобы поторопить наместника.

Глава семейства, как всегда, в это время приводил себя в порядок после зарядки.

Отец четверых детей, старшему из которых двадцать шесть, а младшему – двенадцать, не позволял себе пребывать в неподобающей форме. По утрам зарядка, после обеда – упражнения по фехтованию. Дважды в неделю вместе со своим старшим помощником отправлялся на полигон для полноценных тренировок. Наместник у нас ого-го какой мужчина! Матушка Фордис иногда даже устраивала ему сцены ревности. Такой видный мужчина привлекал немало женских взглядов – высокий, широкоплечий, подтянутый, с копной темно-каштановых волос и пронзительно-синими глаза-

ми. Да и к тому же, учитывая, какое он занимал положение... Отбоя от женского внимания у него не было. Но эдел Вистар вот уже три десятка лет нежно и трепетно любил свою супругу – эдель Фордис. Чем та, порой беззастенчиво, пользовалась – вила веревки, попросту говоря. Но в тоже время эдель Фордис также преданно любила своего супруга.

Наверно, именно эта атмосфера любви и взаимопонимания меня так поразила и впечатлила, что я не сразу, но все-таки прониклась ею десять лет назад.

Меня, тогда девятилетним ребенком, привезли в этот дом, оторвав от моих обожаемых родителей. «Теперь ты будешь жить здесь», – так мне сказали люди, которые сопровождали меня из Вадомы в Адарию. В день, когда отец увозил меня, мама рожала брата. Поэтому о моем отъезде она узнала значительно позже. От нее скрывали, пока она не оправилась.

Еще в Дрине, куда мы прибыли из Зеденива с отцом, я с недоумением смотрела на отца, который отдавал меня незнакомым людям. «Так надо, дочка», – сказал он мне тогда. И полные боли и тоски глаза отца. Я никогда этого не забуду. Были крики, слезы, истерика. Я кусалась, вырывалась, царапалась, как настоящий дикий зверек, которым меня потом многие называли. Так продолжалось до тех пор, пока меня не усыпили. И последнее, что я помнила о том памятном со-

бытии, – искаженное страданием лицо отца.

Уж по каким причинам выбрали семью Ровенийских, я не знаю. Но тому, кто это сделал, я благодарна, хоть сначала мне и сложно было смириться.

Первые полгода я практически не выходила из своей комнаты, мало с кем общалась. Дикарка – так меня называли в доме наместника. Да и внешность соответствующая: темно-волосая, с тугими кольцами кудряшек, смуглокожая, желтоглазая. Еще и рот слишком широк. Одно время Диль, старшая сестра Рини, обзывала меня жабой.

Из моего кокона меня смогла достать именно Рини. Откуда только в ней столько терпения нашлось? Она, не уставая, пыталась развлечь меня, втянуть в свои игры, звала на прогулки. И постепенно я свыклась и, наверно, несколько смирилась с действительностью.

Раз в полгода мне разрешали писать родителям. От родителей же я получала по одному письму в год. Мало? Безусловно. Но хотя бы так. Так я узнала о том, что мама родила сына, моего брата, благодаря которому родителям стало легче переносить разлуку со мной.

А здесь, в Адарии, я стала Астари Эттов. Личность генерала Шевала была слишком известна, поэтому мне пришлось взять имя рода матери.

У Ровенийских четверо своих детей и еще трое воспитанников, помимо меня. Старший сын, Ронольв, в момент моего появления в их семье учился в специальной школе для

мальчиков, так же, как и Рунгвальд Натсен. Рун – сын близких друзей семьи, родители которого были артефакторами с неистребимой жилкой к изобретательству. Война показалась им лучшим способом опробовать некоторые из своих изобретений. Они погибли вместе от рук вадомийцев, разумеется. И если Рон к моему появлению отнесся равнодушно, то Рун возненавидел. Еще бы, я же хоть и на половину, но вадомийка. Дильмари, вторая по старшинству из детей Ровенийских, невзлюбила меня также. Ее причины мне не были известны, так как специально я ее никогда не провоцировала. Свою подругу полностью поддерживала Игельна – младшая сестра Руна. Сивина же, самая младшая из Натсенов, была к моей персоне равнодушна, впрочем, как и к большинству людей в целом. Эйрик – младший Ровенийский, когда я оказалась здесь, был двухлетним ребенком. Поэтому я для него была лишь новым товарищем по играм, которым он радовался без разбору.

А вот Тринвер, она же Рини, сумела стать моей лучшей и единственной подругой. Благодаря ей я стала радоваться жизни и постепенно оттаяла.

Со временем я поняла, что нет смысла в том, что я хожу букой, все больше погружаясь в меланхолию и собственные печали. Хотя вру. Не я это поняла. В силу девятилетнего возраста это сложно было осознать. Помогли со всем этим мне справиться Рини и матушка Фродис. Как-то так сложилось, что я стала называть эту женщину именно так. Она не за-

менила мне маму, но достаточно близко подошла к этому. Эдель Фродис не делала разделения между своими родными детьми и воспитанниками. Она любила и любит всех одинаково. До чего же большое, а главное, понимающее сердце у нее!

Спустя год проживания в семье наместника Ровенисии я смогла, по возможности, приспособиться к новым условиям своей новой жизни. Практически не дралась с Диль и не огрызалась с Исой. Насмешки Руна сносила без слез. На косые взгляды посторонних и тех, кто был ближе, не обращала внимание.

Моим главным увлечением стали танцы и, конечно, лошади. Я же если не дочь, то внучка степей точно! Поэтому довольно часто верхом я разъезжала по окрестностям. В детстве я любила проводить время у родителей мамы. Там же степь: ковер из разнотравья и гладь до самого горизонта. Свобода! А тут леса и горы. Красиво, я и спорить не буду, но той зеденивской вольности не хватало.

В столовой уже собралось все семейство Ровенийских и представители Дорвенов. И теперь, наконец, нас могли представить друг другу.

Сам эдел Гарди оказался невысоким щуплым мужчиной, с мышинным цветом волос, расплывчатыми чертами лица и невразумительным голосом. Зато его жена, эдель Рэнхил,

ослепительная шатенка, необыкновенно красивая и притягательная. До тех пор, пока не открывает свой рот. Высокомерие и презрение ко всем – не те черты, которые способны привлечь. Все это сквозило в ее взглядах, жестах, обращенных прежде всего ко мне. Впрочем, мне было не привыкать.

А вот увидев детей этой интересной парочки, я еле сдержалась от смешка. Интересно с ними природа поиграла. Старшая дочь – копия отца, что весьма печально для девушки. Оставалось только надеяться, что у нее хорошее приданое. А вот сын уродился в матушку. Такой же ослепительный красавец и он также производил впечатление человека с непомерным чувством собственного величия.

Собственно, особенности взаимоотношений с людьми некоторых представителей этой семьи я ощутила прежде всего на себе. Еще бы, я же самый необычный персонаж, присутствующий здесь.

– Знакомьтесь, – начал представление эдел Вистар, – это наша воспитанница Астари Эттов.

Я изобразила нечто, отдаленно напоминающее книксен. Рини и матушка Фордис дружно сжали губы, чтобы не засмеяться. Диль закатила глаза, пробормотав что-то вроде: «Не могла обойтись без своего циркачества?». Ее целиком и полностью поддержала Иса. Ну да, несмотря на то, что книксены, реверансы и прочее удавались мне, сегодня я предпочла изображать неуклюжесть. Настроение было игривым. Моя выходка возымела действие. Эдель Рэнхил окинула ме-

ня безразличным взглядом и кивнула мне с видом царственной особы. Эдел посмотрел на меня с недоумением. Их дочь Лониз даже не обратила на меня особого внимания, рассеянно приветствовала нас, чем напомнила мне Сивину, которая также обычно пребывала в своих грезах, редко обращая свой взор на окружающих. А вот во взгляде брата Лониз Инепа промелькнула искра любопытства, которая была тут же потушена бесстрастным выражением.

Я переглянулась с заговорческим видом с Рини. Рассадили нас с ней, к сожалению, по разные стороны стола. Поэтому возможности перекинуться хотя бы парочкой слов о гостях не было, хотя и взглядом можно было много чего сказать.

Диль и Иса, между которыми сидел Инеп, быстро нашли с ним общий язык. Они тихо переговаривались, изредка бросая в мою сторону насмешливые взгляды. С подобным я свыклась, поэтому еда у меня ни разу поперек горла не стала. Я вообще редко жаловалась на отсутствие аппетита.

А Инеп прямо-таки купался в женском внимании. Блондинка Диль с одной стороны, брюнетка Иса – с другой. Диль у нас высокая, но не выше меня, светловолосая красавица, единственная из детей Ровенийских похожая на мать: тот же цвет волос, те же серые глаза. Сплошное изящество и хрупкость. Про характер ее умолчу. Иса же, как и все Натсены, темноволосая, темноглазая. На бледной коже практически всегда алел румянец и ярко выделялись красиво очерченные губы. Именно эта жгучая брюнетка усиленно строила глазки

гостю.

Как и просила матушка Фордис, после завтрака мы повели Дорвенов в сад. Благо погода позволяла: поздняя весна, тепло, но еще не жарко.

Пока прогуливались по саду, Диль и Иса с открытыми ртами слушали Инепа. Мы же с Рини попытались было разговаривать Лониз, но нам она предпочла общество Эйрика. Она подарила младшему братишке Рини миниатюрную модель флагманского корабля флота Адарии. Вот именно его они и стали потом обсуждать.

Я и подруга переглянулись удивленными взглядами.

Сивина же, как обычно, шла позади всех, погруженная в свои мысли и с легкой улыбкой на губах вдыхала аромат свежесорванного пиона.

Расположились мы в беседке, куда заранее подали лимонад и сладости.

– Астари, не желаете рассказать, как вы оказались в семье Ровенийских? – вдруг обратился ко мне Инеп.

– Во-первых, эдель Астари. А во-вторых, я, если можно так выразиться, жертва войны, – ушла от прямого ответа я.

По общей договоренности ни я, ни члены семьи Ровенийских не упоминали, кем именно я являюсь. Дети Ровенийских и не знали всех подробностей моей биографии. Иначе бы, благодаря той же Диль, мне бы пришлось несладко. Вот только Рунгвальд Натсен откуда-то узнал все, но из уважения к эделу Вистару молчал.

– Эдель? – удивленно поднял брови Инеп. – И что же у вас за титул?

– Маркиза, – нехотя ответила я.

– Ммм... что-то я не припомню герцогов или маркизов Эттов, – протянул насмешливо он.

– А она у нас, как ты заметил, – не преминула влезть Диль, – не местная.

– Заметил, – кивнул Инеп. Напоследок окинул меня взглядом, в котором безуспешно пытался скрыть любопытство за надменным выражением, и продолжил оживленную дискуссию с Диль и Исой.

Отбыв положенный час, я, ухватив за руку Рини, побежала в комнату собираться.

– Аста! – строго начала подруга. Когда она была мной недовольна, то называла именно так, а не «Асти». – Ну и что это было?

– А что было? – невинно округлив глаза, спросила я.

Понятное дело, сейчас Рини начнет меня отчитывать за поведение до и после завтрака. Но мне же сейчас некогда! Еще и шпильки найти надо, которые я, как и всегда, после прошлого раза не положила на место. Ну или горничная «навела» порядок, вновь переложив мои вещи туда, где я их не найду.

– Сначала неуклюжесть показная, – прищулив глаза, стала

перечислять подруга, – потом это надменное «эде-е-ель».

Рини я доверяла, поэтому она знала, что я на самом деле дочь герцога Шевала.

– Неужели ты не видела, что этот сноб Инеп уже решил, что я чуть ли бродяжка какая-то? – спросила я. Злость во мне не кипела, лишь недовольство.

Да, я порой хорохорилась, делала вид, что мне все ни по чем, но, безусловно, иногда предвзятое отношение задевало.

– И ты решила сначала построить из себя сначала неизвестно кого, а потом показать себя во всей красе? – язвительно поинтересовалась подруга.

Я вздохнула и села на кровать.

– Не знаю, – тихо произнесла я. – Ну не понравился он мне, вот и взъелась чего-то.

Рини хмыкнула и присела рядом.

– Зато ты ему очень даже приглянулась, – лукаво улыбаясь, сказала Рини.

– Да ну, тебе показалось, – рассеянно пробормотала я, вновь принявшись усиленно разыскивать проклятые шпильки и заколки.

– Не показалось, – не унималась подруга. – И это даже несмотря на то, что он общался в основном с Исой и Диль.

– Мне все равно, – отозвалась я. – Помоги лучше найти мне шпильки!

Рини поднялась с кровати, прошла ко мне в ванную, открыла шкафчик у зеркала. Там в стаканчике благополучно

находились мои шпильки.

– Что бы я без тебя делала? – вздохнула я.

Подруга заплела мне свободную косу с лентами под цвета платья и заколола ее вокруг головы, выхватив парочку прядок, чтобы они обрамляли лицо. Темно-бордовое платье выигрышно смотрелось на мне. Но что толку-то? Все равно первый танец я танцевать не буду. На первый танец женатые мужчины приглашают своих жен, женихи – своих невест, те, кто еще не помолвлен, – дам своего сердца или просто симпатичных им девушек. С восемнадцати лет, то есть с того возраста, когда позволено посещать балы, я так ни разу и не станцевала первый танец.

Рини критично осмотрела меня, но, как ни странно, ничего не поправила.

– Ты сегодня особенно хороша, – заключила подруга.

– Скажешь еще, – отмахнулась я. – Вот ты выглядишь превосходно!

Рини надела темно-синее платье, а волосы уложила в высокую прическу.

Балы всегда проходили в большом зале дворца наместника. Так что далеко добираться нам было не нужно. Всего лишь несколько минут ходьбы по переходам дворца из жилой части в ту, которая предназначена для официальных приемов и прочего. Там же и находился рабочий кабинет наместника и другие служебные помещения.

Гостей собралось немало – практически вся знать Ровени-

сии, гости провинции, в том числе и гостящие тут Дорвены, и другие выдающиеся и не очень личности. Рассылкой приглашений обычно занимался секретарь эдела Вистара барон Хаук Монтур.

В зал мы входили все вместе: Ровенийские, Натсены, Дорвены и я. Разумеется, я шла рядом с Рини.

Чуть было не поморщилась, когда заметила, с каким жадным интересом цвет местного женского общества разглядывает нас и, в частности, меня. Еще бы, я личность выдающаяся, точнее, выделяющаяся. Свысока на меня могли здесь смотреть только несколько мужчин: эдел Вистар, его секретарь, отставной полковник Нелнас Уотинен и два брата Фолке и Нерд Берглунд, которые были крупными землевладельцами. Во всех смыслах крупными – и земель у них в собственности много, и фигурами обладали внушительными.

– Не переживай, Асти, – ободряюще шепнула мне подруга. – Ты замечательно выглядишь. Так что не обращай внимание на них, – и Рини кивнула в сторону группы женщин, которые что-то оживленно обсуждали, изредка бросая косые взгляды в мою сторону. Или я стала страдать мнительностью?

Что бы я ни делала, каким бы образом я ни была одета, мне перемывались все косточки. Порой не без помощи Диль. При этом смаковался и обсуждался любой мой недостаток, оплошность. В лицо мне мило улыбались, а вот за спиной...

Но самой обсуждаемой темой, связанной с моей персо-

ной, была тема моего происхождения.

Какие только предположения не строили люди. И то, что я дочь давних друзей эдела Вистара, которые трагически погибли. Версии их гибели разнились. Например, одно время популярной была версия, что моих родителей загрызли дикие звери. Некоторые утверждали, что я внебрачная дочь графа или даже графини. Фантазиям не было предела.

Эдел Вистар, мимоходом кивнув знакомым, прошел к возвышению у дальней стены, являющееся своеобразной сценой, на которой расположились музыканты. Он произнес небольшую приветственную речь.

И полилась музыка – первый танец начался. Пары потянулись в центр залы. Партнеры по танцу призывно улыбались друг другу. Ну а многие женщины умудрялись еще и бросать взгляды, полные превосходства, в ту сторону, где стояли те, кого все-таки не пригласили.

Рини на каждый танец была ангажирована еще с прошлого бала. Первый танец она сегодня отдала Хакану Форсберу. Его лицо светилось такой искренней радостью, что я невольно тоже заулыбалась. Сама же подруга к своим поклонникам относилась с некоторой долей снисходительности. Ей никто по-настоящему не нравился, так, мимолетные симпатии.

Засмотревшись на Рини и Хакана, я не заметила, как ко мне подошел Инеп.

– Разрешите пригласить вас на танец, эдель Астари, – вроде бы и вежливо, но с плохо скрываемой насмешкой, обра-

тился ко мне он. Ведь выделил он именно «эдель».

Вообще-то танец уже начался, и вступать в ряды танцующих было бы неприличным.

Инеп явно меня провоцировал. Ждал, что же сейчас обладает во мне: радость от того, что меня пригласили, или приличия. Ну, или на худой конец здравый смысл.

А я всего лишь люблю танцевать...

Мы плавно закружились. Молодой человек держал и вел меня крепко, уверенно. А самое главное – его ни капли не смущало то, что я на пару сантиметров выше него. Он держался так свободно, непринужденно, с видом прирожденно-го победителя, что мне иногда казалось, что он выше меня на голову.

– Вы хорошо танцуете, эдель Астари, – после произнес Инеп, склоняясь к моей руке с поцелуем. Легкое касание губ, невесомое поглаживание большим пальцем моего запястья... Как хорошо, что на моих щеках плохо виден румянец. – Танец с вами мне доставил несравнимое удовольствие, – продолжил он, с наслаждением ловя внимательные, а порой и недоумевающие взгляды окружающих.

– Взаимно, – сдержанно кивнула и поспешила к Рини, которая, нетерпеливо постукивая ногой по полу, дожидалась меня у столика с напитками.

Я подошла к подруге, отобрала у нее бокал с белым вином и залпом выпила его.

– И что это было? – ошарашенно спросила Рини.

– Вот и я была удостоена чести поучаствовать в первом танце, – как можно бесстрастнее ответила я.

Нервно передернула плечом – мне казалось, что спину прожигают несколько десятков взглядов.

– Я же тебе говорила, – многозначительно протянула подруга.

Мне пришлось только кивнуть. Самой же интересно: что же это было?

Тем более, что в искренность намерений гостя отчего не верилось ни капли...

Второй танец я обычно танцевала с эделом Вистаром, на что Диль всегда обижалась и негодовала. Хотя у меня не было особого желания ей насолить. Меня и без того нечасто баловали кавалеры своим вниманием, поэтому разбрасываться предложениями потанцевать я не спешила. Сам же опекун говорил, что только со мной в танце он способен продемонстрировать в полной мере свое мастерство. Да и какая разница – почему?

Танцуя с графом, я почти всегда на его месте представляла отца. Что вот так же папа идет со мной в центр залы, бережно держа за руку, плавно двигаясь под музыку, уверенно ведя в танце и светясь гордостью за свою дочь...

– Какая-то ты сегодня рассеянная, Асти, – отвлек меня от размышлений эдел Вистар. Я подняла на него взгляд. Он выглядел задумчивым, хотя ему явно нравилось со мной танцевать. – Уж не племянник мой тому виной?

– Признаюсь, меня удивило его приглашение, – нехотя отозвалась я. – Но не более того.

– Ну и зря.

Я удивленно воззрилась на него. Может, я чего-то не понимаю?

Заканчивали мы танец, пребывая каждый в своих раздумьях.

Зато следующим меня пригласил Нелнас Уотинен. Вот уж с кем я не просто любила, а обожала танцевать. Несмотря на довольно преклонный возраст, двигался он получше большинства молодых.

– И куда моя красавица запропастилась? – шутливо произнес эдел Нелнас, озираясь по сторонам.

Я рассмеялась. Конечно, меня же так трудно не заметить.

Полковник подмигнул мне и лихо подкрутил посеребренный сединой ус. Грациозно поклонился, а я не менее изящно ответила, и мы закружились в танце. Нам освободили практически все пространство залы, дав место для маневров. Теперь уже никто и ничто не могло помешать демонстрировать самые невероятные пируэты.

Поцеловав мне руку и вновь подмигнув, полковник вкрадчиво прошептал:

– Асти, золотце, я тебя обожаю.

Я, как всегда, смущенно потупилась, тем не менее довольно улыбаясь. Эдел Нелнас, имеющий старших внуков моих ровесников, и сам ко мне относился как к любимой внучке.

Я любила его навещать, бывать в его гостеприимном доме, вкушать изумительные обеды, приготовленные его замечательной супругой эдель Брит, и слушать рассказы полковника. Он делился байками, которыми была полна его богатая событиями жизнь. Правда, прежде всего это были рассказы о его боевых походах. Слава Рауду, в кампании против Вадомы полковник уже не участвовал.

– Эдел Нелнас, а вы так и не сходили к целителю? – уже строгим тоном поинтересовалась я.

Во время танца он пару раз неуклюже становился на левую ногу. Вот я и подумала: неужели старая боевая рана вновь дала о себе знать?

Я же специально пыталась щадить полковника и двигаться не слишком быстро. Он это дело быстро понял, поэтому зыркнул на меня своими пронзительно-серыми глазами, удивительно яркими для его лет, и шепотом сказал: «Только попробуй!».

– Не ворчи, золотце. – Улыбка сошла с лица эдела Нелнаса. – Бесплезно это. Ну что эти костоломы мне сделают? – Он махнул рукой. Мне осталось только закатить глаза.

Кстати говоря, «золотко», «золотце» – так меня называл только полковник.

«Твои глаза как расплавленное золото», – говорил он мне. А его супруга, хоть и соглашалась с ним, все же вздыхала и говорила тихо, считая, что я не расслышу: «Вот только раньше говорили, что желтоглазые притягивают беду к себе». И

протягивала мне очередное пирожное собственного приготовления. «Кушай, деточка. А только глаза одни и видны, худенькая какая».

– А ведь помнится, что вы своей супруге клялись и божились, что обязательно навещаетесь к целителю, – как бы невзначай произнесла я.

Эдель Брита грозилась, что если он все-таки не выполнит обещание, то она не отпустит его на охоту, о чем я тут же любезно напомнила.

– Шантажистка, – прошипел полковник.

Странные эти мужчины. Проще же один раз, ну, может, пару раз, сходить к врачу и вылечиться, чем мучиться и продолжать бояться туда направиться.

На этом с танцами для меня, вероятнее всего, покончено. Фолке Берглунд, который раньше часто приглашал меня, сегодня весь вечер танцевал со своей невестой.

Сначала я скромно стояла в сторонке, любуясь парами, даже Диль, которая все ж таки неплохо двигалась. «Хотя я могла бы и лучше», – появилась ехидная мыслишка у меня, но развивать ее не стала.

Чтобы моя одинокая долговязая фигура ни других, ни меня саму не смущала, я решила выйти на балкон.

Однако одной мне побыть не дали.

– Не верь ему, – произнесла Лониз. Она подошла к перилам балкона, упершись руками в них и с наслаждением вдыхая свежий прохладный воздух с пряной примесью ароматов

цветов.

– Что? – недоуменно спросила я.

– Не верь моему брату, – все так же бесстрастно произнесла Лониз.

И что это за ерунда? Я не стала ничего отвечать. Так в тишине мы простояли еще пару минут. Мне стало неуютно, и я решила вернуться в зал, но тут за руку остановила девушка.

– Он решил, что ты для него легкая добыча, – глядя мне в глаза, серьезным голосом продолжила Лониз. – Он поиграет и бросит.

– А с чего ты вообще решила, что я позволю ему это? – недоуменно спросила я.

Лониз растеряла свою строгость. Она растерянно стала озираться по сторонам, как будто там пыталась найти ответ.

– Ты же необычная девушка, – мягко проговорила она. Все ясно, сейчас тоже будет говорить, что на такое страшное лицо, как я, никто не обратит внимание. – И явно не... не часто привлекаешь внимание парней... В смысле привлекаешь, но не в том смысле... – она окончательно сбилась и с мольбой посмотрела на меня.

Неужели ждет, что я сама закончу за нее?

– И раз я не купаюсь в мужском внимании, то легко поведу на пару красноречивых взглядов Инепа, несколько незамысловатых комплиментов и, возможно, но мало вероятно, на подаренные безделушки – Я все-таки закончила за Лониз фразу. Она подавленно кивнула.

Я хоть и не искушенная в отношениях с мужчинами, но кое-что слышала о подобном.

– Вот только зачем ты меня предупреждаешь? Это же твой брат, – спросила я. Только сейчас я обратила внимание, что мы друг к другу на ты обращаемся. Наверное, тема располагала.

Лониз нервно стала комкать верхнее кружево с платья, при этом упорно не хотела встречаться со мной взглядом. Впрочем, отвечать она мне также не желала. И почему-то торопить ее с ответом я не стала, терпеливо дожидаясь, когда она сама соберется с мыслями.

Наконец Лониз выпустила из рук многострадальное кружево, тяжело выдохнула и подняла на меня свои небольшие, но, как оказалось, красивые сине-зеленые глаза, единственное, что досталось ей от матери.

– Я просто не хочу, чтобы с тобой случилось что-то нехорошее, – пробормотала она и поспешно сбежала с балкона.

Почему-то мне показалось, что за этой фразой скрывалось еще кое-что. «Чтобы с тобой не случилось ничего плохого, как когда-то случилось со мной...». И тут мне стало стыдно. Я ведь с утра подумала о ней не слишком хорошо...

Настроение сразу же упало. Уже не радовала даже превосходная музыка, да и голова разболелась.

– Асти, у тебя настроение меняется быстрее, чем я успеваю за ним уследить, – обратилась ко мне Рини, когда я подошла к ней. Подруга не пропустила ни одного танца. Лишь

к концу вечера решилась передохнуть и поэтому сейчас присела на стул. — Что-то случилось?

— Да нет, с чего ты взяла? — пришлось изобразить недоумение. Надеюсь, у меня получилось.

Рини окинула меня внимательным взглядом, а после махнула рукой. Значит, поверила. Я тихо выдохнула. Не буду пока делиться с ней разговором с Лониз и тем более своими догадками. Все-таки это не мое дело. Да и Инеп еще ничего не предпринимал, а я только себе накручу. Мы же только один день знакомы.

Не стала думать о плохом. Тем более меня все же пригласил Нерд Берглунд на танец, хотя он обычно неохотно участвовал в этом. Два танца подряд мы провели вместе и уплывшее было настроение ко мне вновь вернулось.

Спать я ложилась с улыбкой на лице.

Глава 2

Я лежала и смотрела в потолок. Сна ни в одном глазу.

И наплевав на то, как не должна вести себя истинная эдель, я отправилась на цыпочках на кухню. Пришлось надеть халат поверх ночной сорочки, а на плечи накинуть легкую шаль – хоть и поздняя весна, но ночью свежо.

На кухне я прихватила несколько пирожных, оставшихся после ужина, и графин с лимонадом и направилась в сад к беседке. Вкусности оставила на столе и вышла на свободную площадку перед беседкой. Тут в саду опьяняющий, упоительный аромат цветов прямо-таки окутывал. Вдохнув полной грудью, я раскинула руки в стороны и задрала голову к небу, где ярко светили звезды. Напевая незамысловатую мелодию, плавно покачиваясь, я стала танцевать свой собственный танец, под свою собственную музыку.

Когда-то мама рассказывала, что раньше зеденивские женщины так выходили в транс. И если у них был дар предвидения, то в этом состоянии без всяких вспомогательных средств они могли видеть будущее, которое обычно от них было скрыто.

У меня же, как говорила мама, никаких провидческих задатков не было. Как и положено в дворянских семьях, еще в раннем детстве мне заблокировали дар. И что странно, на этом настояла именно мама, а не отец. В семье Ровенийских

придерживались таких же взглядов, и поэтому направленно-сти своего дара я не знала. Хотя, если бы мне все-таки передался дар предвидения, а обычно от матери к дочери, но меня это миновало, то никто бы не смог запретить им пользоваться. Провидиц было слишком мало, чтобы ими разбрасываться, а мужчин с такими способностями было пару человек за несколько столетий.

Состояние радости, даже какой-то эйфории, накрыло меня. По всему телу пробежала легкая дрожь. Мне показалось, то даже пружинки волос на голове распрямились. Прикрыв глаза, я продолжала свой необычный танец. Кончики пальцев защищало, когда я в очередной раз вскинула руки.

Открыв глаза, я увидела, что с моих пальцев срываются серебристые искорки, а растворяются они в воздухе почему-то с ярким золотистым отблеском. Я замороженно смотрела на это светопредставление. Взмахивая руками, я разбрасывала в разные стороны снопы искр и не сразу услышала, как за моей спиной послышались шаги, а затем раздалось:

– Кхм-кхм, – кашлянул Инеп, чтобы привлечь мое внимание.

Я вздрогнула и опустила руки. Искорки исчезли, а мои ноги внезапно подкосились от слабости, даже голова закружилась. Молодой человек тоже это заметил и подбежал ко мне, крепко подхватив за локоть. Я уж было хотела благодарно улыбнуться, но прикосновение теплой руки Инепа напомнило мне, что шаль-то моя оказалась отброшенной куда-то в

сторону кустов роз, а я стою тут перед парнем всего лишь в сорочке и халате.

Выдернув руки, я на подгибающихся ногах кое-как добралась до шали. Плотнее закуталась в нее и повернулась к Инепу. Он неотрывно наблюдал за мною с задумчивым видом. Чтобы избавиться от неловкости, я не смогла придумать ничего умнее, как произнести:

– Не хотите пирожное?

Инеп посмотрел на меня недоуменно. Я кивнула в сторону беседки, где на столе и находились мои ночные лакомства.

– Да, пожалуй, не буду отказываться, – ответил он и пропустил меня первой в беседку. Галантный.

Пирожные мы ели неспешно и в молчании. Я старалась не смотреть на парня. А он в свою очередь не сводил с меня глаз, наблюдая за мной с все тем же задумчивым видом. Как будто решал какую-то задачку со мной как главной составляющей этой головоломки.

В голову упорно лезли мысли о словах Лониз.

Наконец Инеп первым прекратил молчание:

– Вам блокировали дар? – спросил он.

Я кивнула, чуть было не подавившись кусочком. На гостя я не рассчитывала, поэтому взяла только графин, не прихватив с собой ни одного стакана. Но сейчас меня это не остановило – я начала запивать застрявший в горле кусок прямо так. Руки все еще слегка дрожали от слабости, поэтому часть лимонада пролилась мне на грудь. Я смущенно вытер-

лась краем шали. Инеп, казалось, не заметил моей неловкости.

– Раз вам его блокировали, то что же я только что наблюдал? – продолжил расспросы он.

Ну а я почему знаю? Но грубить вслух не стала и только пожала плечами.

На минуту Инеп вновь смерил меня сосредоточенным взглядом, а затем его губы дрогнули в улыбке, которую он быстро скрыл.

– А вы бы хотели иметь свободный дар, которым могли спокойно распоряжаться? – вкрадчиво полюбопытствовал Инеп.

О-о-о, это было бы слишком искушающим. Большую часть жизни мне твердили, что «эдель не пристало заниматься магией». Но ведь только что мой дар прорвался сквозь блокировку. И мне жутко захотелось узнать: а какой он вообще? А вдруг я стихийница или вообще – боевой маг? От такого воодушевления кончики пальцев вновь зашипало, и они стали поблескивать искорками.

– Да, я бы хотела, – ответила я.

Инеп удовлетворенно кивнул.

– Я могу вам с этим помочь, – сказал он.

От неожиданности я сперва растерялась.

– Каким же образом? – поинтересовалась я, а в ушах стоял тихий голос Лониз.

– В прошлом году я окончил Императорский Универси-

тет Амаллиона по специальности «боевая магия». Но основы общих магических знаний и умений я хорошо знаю. Чему и вас научить могу, – заверил меня молодой человек.

Мне хотелось попробовать, но было слишком много препятствий.

А тем временем Инеп почему-то решил меня подтолкнуть к принятию решения:

– Через неделю я поступлю на службу к вашему опекуну. Поэтому я переезжаю в Саганион. Время от времени смогу уделить вам внимание и помочь с обучением, – я уже хотела спросить, с чего вдруг ему со мной заниматься, но он меня перебил: – Абсолютно бескорыстно. Все завязано только на интересе. – Я скептически хмыкнула. Инеп даже бровью не повел. – Получится ли у нас?

Он улыбнулся и развел руками.

– Это что, какой-то эксперимент, а я стану вашей подопытной? – не удержалась я, ведь подозрительно все это.

– В некотором роде, – не стал отпираться Инеп. Я удивленно и с опаской посмотрела на него. – Да не пугайтесь вы так. Просто я же никогда не выступал в роли наставника.

– И все равно, какой вам в этом прок? – Не верила я в бескорыщность.

– А что, если я не согласен с тем, что у дворянских дочек блокируется дар? Что, если я считаю, что каждый сам должен делать выбор, относительно своей судьбы? – запальчиво произнес Инеп, и все же на мой вопрос он не ответил.

Матушка Фордис точно будет против, если узнает. А узнает ли? С другой стороны, я предам ее доверие. И все же Инеп прав – каждый сам должен принимать решение относительно своего дара...

– Я подумаю, – ответила этому искустителю.

Необдуманно и спонтанно такие вопросы не решаются.

Инеп улыбнулся так, как будто выиграл в лотерею, от чего мне стало не по себе.

Я решила все же отправиться спать. А то матушка Фордис будет крайне удивлена, если я встану слишком поздно, чего обычно за мной не водилось.

– Доброй ночи, – пробормотала я, спешно забирая тарелку и графин. Инеп поднялся с намерением мне помочь, но я покачала головой – сама справлюсь.

– Приятных снов, – ответил молодой человек, и я поторопилась в дом.

В этот раз уснула я быстро, несмотря на рой мыслей в голове.

После завтрака мы попрощались с семейством Дорвенов. Все вопросы они решили, на балу побывали.

Инеп, целуя напоследок мою руку, незаметно для всех, кроме Лониз, передал мне записку. Быстро спрятав ее в карман, я перехватила обеспокоенный взгляд девушки.

– Надеюсь, ты помнишь, о чем я тебя предупредила, – прошептала мне Лониз. На ее губах промелькнула робкая улыбка.

– Спасибо, – также тихо ответила я.

И все же отказываться от такого шикарного шанса, как обучение магии, я не хотела. Пусть Инеп и строит в отношении меня какие-то планы, но я же ведь теперь, действительно, осведомлена в некотором роде. А эдел Вистар, и тем более эдель Фордис, не разрешат мне заниматься обучением. Когда я однажды завела об этом речь, то услышала все то же: «Эдель не пристало заниматься магией».

Я никому не сказала, что блокировка почему-то снялась. Благо, неконтролируемых проявлений энергии больше не было. А может, все осталось, как и было, и блокировка все так же на месте? Я же ничего в этом не смыслю, а спросить не у кого. Но спрашивать у кого бы то ни было я опасалась. Было страшно, что не дадут моим мечтаний свершиться, пусть они только и зародились.

С трудом дождавшись, когда гости наконец нас покинут, я побежала в свою комнату.

В записке был указан адрес, где будет жить Инеп. Ждать он меня будет через восемь дней поздним вечером, чтобы никто не заметил, что я куда-то делаюсь.

Всю неделю я была как на иголках. Я старалась поменьше попадаться на глаза всем Ровенийским, чтобы никто ничего не заподозрил по поводу моего нервного состояния. В

первую очередь, конечно, Рини. Уж она-то в два счета могла меня раскусить. Отговорками для меня были плохое самочувствие, острое желание почитать и много другое. Спустя пару дней я пришла к выводу, что таким образом, наоборот, привлеку к себе ненужное внимание. Пришлось демонстрировать свою самую лучшую актерскую игру, на которую была только способна. При всем при этом чувствовала я себя на редкость паршиво, ведь собираюсь обманывать своих близких. Хотя, о чем это я? Уже их обманываю!

Первый день лета выдался на редкость дождливым и хмурым, под стать моему настроению. Во мне боролись радость от возможности наконец-то сегодня заняться магией и муки совести из-за обмана.

Долго держать под контролем свои эмоции я не могла, поэтому, сославшись на головную боль, почти весь день провела в своей комнате, пытаюсь читать роман. Ни строчки не поняв, с раздражением отбросила книгу в сторону. Я устроилась на подоконнике, обняла колени и стала смотреть в окно. Бездумно наблюдала за каплями дождя, стекающими по стеклу, и пыталась гнать о себя мысли о сегодняшней встрече – скоро и без того все узнаю.

К вечеру дождь прекратился.

Я дождалась, когда в доме все стихнет, накинула на себя

легкий плащ с капюшоном и тихонько вышла из дома. В конце сада была калитка, которая закрывалась только изнутри. Ей не слишком часто пользовались, просто один из запасных выходов. Им-то я и решила воспользоваться. Было немного совестно оставлять дверь незапертой. Оставалось надеяться на то, что о ней мало кто знает и тем более вряд ли кто догадается, что она открыта.

Хоть по тихим, пустынным улицам идти было боязно, но сейчас не время проявлять трусость, раз уж решила ввязаться в это.

Нужный дом я нашла без проблем.

«А неплохо так устроился Инеп», – подумала я, разглядывая здание. Судя по улице, расположенной в престижной части города, по внешнему виду небольшого, но респектабельного особнячка, денег на жилье для младшего сына Дорвены потратили немало.

Еще раз окинув внимательным взглядом улицу и убедившись, что никого не видно, я дернула за шнурок. Раздался мелодичный перезвон колокольчика. Нервно вытерев вспотевшие руки об юбку, я стала дожидаться, когда же появится хозяин.

Дверь открылась, и в проеме показался Инеп. Убедившись, что это я, он открыл дверь шире, пропуская меня в прихожую. Мне могло и показаться, но он опасался, что мог прийти кто-то нежелательный, а увидев меня, даже вздохнул с облегчением.

Неужели думал, что я натравлю на него наместника?

– Добрый вечер, – произнес он, снимая с меня плащ и вешая его на крючок вешалки.

– Добрый, – кивнула я, боязно озираясь, но никого больше не видно. Отпустил прислугу?

Инеп был одет по-домашнему, что никак не вязалось с его сегодняшней ролью учителя. Я словно пришла в гости к давнему другу. Или даже не другу...

– Пройдемте сюда, – Инеп указал на дальнюю дверь в конце коридора.

Это оказался кабинет. Пока еще не особо обжитый, но на столе были разложены какие-то бумаги. А вот в шкафах у стен большинство полок пока еще пустовало.

– Присаживайтесь, – кивнул парень в сторону двух стульев, стоящих друг напротив друга.

Я села на стул, Инеп устроился на втором.

– Думаю, будет лучше всего, если мы перейдем на ты, – вопросительно посмотрел на меня... мой учитель.

Я кивнула.

– Ну и замечательно, – он улыбнулся. – Для начала нам нужно определиться со спецификой твоего дара. Давай свои руки.

Я робко протянула к нему ладони, Инеп взял их в свои. Теплые пальцы обхватили мои ледяные руки. Ох, что-то совсем я разнервничалась.

Инеп прикрыл глаза, шепча какие-то слова. Разобрать мне

их не удавалось. Наконец мои ладони стали отогреваться, а после в кончиках пальцев появилось характерное покалывание.

Парень устало откинулся на спинку стула, выпустив мои руки. Глаза он так и не открыл.

– Инеп? – осторожно позвала я.

– А? Что? – ответил он растерянно, приоткрыв глаза. Молодой человек потер пальцами переносицу, на секунду зажмурился, а затем слабо улыбнулся мне и сказал:

– Я так и не смог определить направленность твоей силы. Не сказать, что я на это надеялся, но попробовать стоило.

Я смотрела на него недоуменно.

– И что это значит?

Он пожал плечами, поднялся со стула и стал мерить шагами комнату.

– Значит так, – хлопнул по ногам руками Инеп, резко остановившись. Он развернулся ко мне. – Методом перебора глядишь и поймет, что к чему. Я все-таки буду тебя учить: как контролировать силу, как увеличивать резерв и некоторое другое. А все остальное... – Он развел руками. – Я полностью снял блокировку. Твоя энергия лишь в ту ночь прорвалась через барьер, а всю неделю, как я понял, она и дальше спокойно дремала.

То-то Инеп выглядит таким уставшим. Снять запрет с магии не слишком—то и просто. Он вновь присел на стул.

А раз блокировка всю неделю благополучно была со мной,

то прорывов и не было больше. Что же тогда случилось неделю назад в ночь после бала?

Еще у меня промелькнула мысль: а нужно ли мне вообще обучение с Инепом, если он даже не знает, что именно за сила у меня? С другой стороны, даже не зная специфики, он поможет мне разобраться с контролем. Ведь это общее для всех магов, хотя я знаю об этом только со слов самого же Инепа...

За меня решил мой страх. Было страшно идти с повинной к Ровенийским. Они точно не станут заниматься моим магическим обучением, да и за обман не простят.

– Наверно, в первую очередь надо заняться контролем? – неуверенно спросила я.

– Контролем, – кивнул Инеп, все так же не открывая глаз.

Я бы с радостью уже сейчас отправилась домой. Видно было, что сил начать сегодня обучение у парня нет. Но пока я мало-мальски не научусь контролировать силу, на глаза домашним попадаться нежелательно.

– Закрой глаза, – раздался тихий голос Инепа. Я замерла, но просьбу выполнила.

– Попробуй подумать о том, о чем думала в саду в ночь после бала.

Легко сказать. О чем же я тогда думала? Я просто танцевала, радовалась жизни, наслаждалась каждым мгновением.

Мои размышления прервались возгласом наставника: «Получилось!».

Я открыла глаза и увидела, что мои пальцы вновь поблескивают искрами. Правда, того покалывания, как в прошлый раз, не было.

– Что ты чувствуешь? – спросил Инеп.

– Ничего.

– То есть как? – удивился он.

Я пожалала плечами. Мне же ничего неизвестно о магии, что же я могу тут разобрать?

– Хм, – парень задумчиво постучал пальцем по губе. – Это будет сложнее, чем я думал, зато так интереснее.

Инеп подмигнул мне и ободряюще улыбнулся. Было бы чему радоваться. С каждой минутой эта затея нравилась мне все меньше.

– Я, наверно, тебя сейчас огорчу, но... дар у тебя слабоват. И поэтому мне еще более странным кажется то, что он вообще смог проявиться. Поэтому с контролем особых проблем возникнуть не должно, – заверил меня молодой человек. – Главное – следи за эмоциями, в особенности положительными.

– И все? – удивилась я.

– Нет, конечно. Это на первое время, – ответил Инеп. – Тебе нужно привыкнуть к своей силе, пусть и такой слабенькой. А пока, вот, держи. – Он протянул мне камешек, подцепленный на шнурок. Я вопросительно подняла брови.

– Что это?

– Это амулет, он поможет тебе. Не очень сильная вещь, –

извиняющимся тоном произнес Инеп. – Но для тебя – в самый раз. Надев его, ты для других будешь выглядеть, как и раньше – с закрытой магией.

Амулет скользнул ко мне в руку. Странное ощущение, как будто чужого присутствия или воздействия. Неужели я стала ощущать чужую магию? Прищуriv глаза, я поднесла к ним ближе амулет. Тонкая сеточка, слабосветящаяся, чуть мерцающая, виднелась вокруг камня.

От удивления мои глаза раскрылись шире. И все пропало. Камешек как камешек. Гладкий, светло-фиолетовый с белесыми полосами. Я в них не разбиралась, поэтому названия не знала. Но явно не драгоценный, и даже на полудрагоценный вряд ли потянет. А вот ощущение чужой магии не ушло. Еще раз прищуriv глаза, я вновь заметила те тоненькие линии света.

Инеп, усмехаясь, наблюдал за моими манипуляциями.

– Надевай уже шнурок на шею, – произнес он. Я поспешно спрятала амулет под платье. – Ну вот, зато таким образом мы узнали твое предназначение.

Я с трудом разлепила пересохшие губы. И прошептала, как будто и сама боялась произнести вслух:

– Артефактор?

Парень кивнул.

– Ты же видела что-то на камне? – дождавшись утвердительного ответа, он продолжил: – А вот я не вижу и не увижу, чтобы ни делал. Могу только почувствовать, и то, если

приложу определенные усилия, ну или буду знать, что именно ищу.

Не самое интересное умение мне досталось. Я даже малость разочарована была. И что мне могут дать такие способности? Скукота...

– Время уже позднее, – прервал мои размышления Инеп. – Пойдем, я тебя провожу, а по пути оговорим дальнейшие планы.

Молодой человек в прихожей набросил мне на плечи плащ, а спускаясь со ступеней крыльца, поддержал за руку. И уже идя по дорожке, положил мою вновь озябшую руку к себе на локоть.

– Мы так меньше привлечем внимание, – пояснил Инеп.

А чье внимание? В этот час на улицах уже почти никого и не было. Пару запозднившихся прохожих да внутренняя стража, патрулирующая улицы.

– Когда никто не сможет тебе помешать, попробуй вновь вызывать свою магию. Пока это тебе удастся, если ты будешь вспоминать те самые ощущения и мысли, что были у тебя в ночь после бала.

Я хотела задать вопрос, но Инеп меня опередил:

– Не бойся, ничего страшного не случится. Силы у тебя не те. – Во взгляде парня промелькнула жалость, но быстро исчезла. – Ты, главное, амулет не снимай.

– Для чего это нужно? Что мне все это даст?

– Насколько я понял, ты же не хочешь, чтобы кто-то узнал

о твоих открывшихся способностях? Вот поэтому и не снимай. А с упражнениями ты сможешь прочувствовать свою магию, привыкнуть к ней. Попробовать приручить ее. А главное – сможешь постепенно увеличить резерв.

– Намного?

– А вот это вряд ли. Максимум – на одну пятую. Учитывая, что источник твой и так мал... Ты расстроена?

– Есть немного, – не стала отпираться я.

Инеп усмехнулся и придвинул меня чуть ближе к себе.

– Прохладно, – пояснил он свое действие.

А мне не хотелось к нему прижиматься. Почему-то прикосновения к нему вызывали у меня если не омерзение, то неприязнь. Хотя я же не так давно с ним танцевала, и тогда он еще ближе был ко мне. Наверно, просто нервы расшалились.

– А ведь у большинства и такого дара нет, – вновь прервал мои размышления парень.

Я кисло улыбнулась.

Нужно быть благодарной Рауду⁴ хотя бы за такую толику волшебства. Осталось только осмыслить это и смириться.

Приблизившись к ограде резиденции наместника, Инеп сбавил шаг.

– Ага, спасибо, – пробормотала я. Показывать, каким образом я покинула территорию, мне не хотелось.

– До следующей встречи, Астари, – произнес Инеп. По-

⁴ Рауд – бог Солнца, жизни

целовал мою руку, слегка сжал ее и быстрым шагом пошел обратно.

– Доброй ночи, – ответила я уже ему в спину.

До своей комнаты я добралась тихо и, надеюсь, незаметно.

Спать ложилась со смешанными чувствами. Как быть? Что дальше делать? А нужен ли мне вообще этот странный, непонятный дар артефактора? С его особенностями Инеп мне точно не поможет.

Единственным моим знакомым артефактором был Рунгвальд. А он вернется сюда ближе к осени, но кто-кто, а он мне точно помогать не станет.

Ладно, не буду торопить события. Пока буду, как сказал Инеп, привыкать к вновь приобретенному дару, а там уже и видно будет.

Я чувствовала себя шпионкой, а уж учитывая мое происхождение, состояние было весьма специфичным. Даже усмехнулась своим мыслям.

Всю неделю по вечерам я прокрадывалась в самый дальний угол сада – здесь в уединении можно было спокойно заниматься.

С каждым разом вызвать характерное покалывание в пальцах с неизменными искорками мне удавалось все проще. И если сначала мне требовалось вспоминать те самые мысли, которые впервые и помогли проявиться моей магии,

то потом мне было достаточно просто захотеть, чтобы искорки появились. Они и появлялись, правда, ненадолго. Пару секунд – и все пропадало. Оказалось – искорки были просто не видны, но по факту – они появлялись. Просто разглядеть их могли не все.

– Что-то ты забросила занятия музыкой, – заметила Рини, когда мы с ней сидели в саду после обеда.

А я хоть и занималась только вечерами, днем анализировала свои ощущения, размышляла, чтобы мне еще такое придумать, как бы еще попробовать вызвать магию. Я больше ни на чем другом сосредоточиться не могла, какие там занятия музыкой?..

Моя любимая флейта была заброшена. Наверно, это и правда, не дело.

– Пойдем, – я поднялась со скамейки и, ухватив подругу за руку, повела ее в музыкальную комнату.

Обычно дворянских девочек учили играть на фортепиано. Еще бы, это же жутко красиво смотрится, когда девушка с идеальной осанкой с прямой спиной восседает на скамеечке у инструмента, слегка склонив голову, и плавными движениями изящных рук извлекает чудесные звуки. А уж если еще девушки и обладают не менее чудесными голосами... Родители такими дочерьми могут только гордиться.

Меня же и Рини боги не наградили теми самыми голосами, а только слухом. Да и в качестве небольшого протеста,

когда нас все-таки вынудили заниматься музыкой, ни одна из нас не выбрала фортепиано. Мне приглянулась флейта, а Рини – гитара. Матушка Фордис была недовольна, но тогда мы смогли настоять на своем.

Нам удалось за несколько лет создать свой своеобразный дуэт. И вроде бы два мало сочетающихся друг с другом инструмента мы смогли заставить звучать гармонично.

– Асти, – окликнула меня подруга, когда мы закончили играть. – Что случилось? Я же вижу, что тебя что-то гложет.

Моя любимая внимательная Рини, а если я сейчас не отвечаю, то еще и дотошная, и въедливая.

– Рини, ты никогда не думала о своем даре? – спросила я.

Она удивленно на меня посмотрела.

– Заблокировали, и ладно, – пожалала она плечами. – Зачем он мне нужен? Единственная от него польза – проживу немного больше, чем обычные люди.

И она отвернулась, укладывая гитару в чехол.

Значит, подруга меня не поймет.

– А зачем ты это спросила? Неужели захотела заняться магией? – поинтересовалась Рини, внимательно вглядываясь в меня своими синими глазами.

– Просто мне тут подумалось, а как бы сложилась наша жизнь, если бы нас не ограничивали в наших способностях?

– Ты считаешь это ограничением? – недоуменно посмотрела на меня подруга. – Предназначение женщины не в этом.

Хорошо в свое время матушка Фордис вбила ей в голову

«правильные» мысли. А с другой стороны – оно и к лучшему, поэтому теперь Рини не страдает, раздираемая внутренними противоречиями.

– Но ведь даже ваша императрица – магичка, – привела аргумент я. Хотя зря я это – у Рини вполне сложившееся мнение, и смуту сеять ни к чему.

– Ну-у-у, там особая ситуация, – ответила неуверенно подруга. А потом все же твердо продолжила: – Мне это ни к чему. И тебе тоже, – сверкнув глазами, припечатала она.

– Пожалуй, – вздохнула я, в очередной раз испытав укол совести.

Да на мне скоро живого места не останется от таких уколов.

Вечером мы с Рини устроили небольшой концерт для четы Ровенийских, Сивины и Эйрика, поэтому к Инепу я опаздывала, часа на два так опаздывала. О Рауд, как же неудобно получилось!

Инеп открыл дверь. Его волосы были взъерошены, рубашка явно наспех застегнута.

Ой-ой-ой! Вот теперь мне стало по-настоящему неудобно. Неужели я застала его в разгар... свидания, если корректно выразиться.

Смущенно кашлянув, парень все-таки пропустил меня в прихожую.

– Я думал, ты уже не придешь, – произнес Инеп. – Эм... я сейчас немного занят. Подожди меня в кабинете.

За неделю тут ничего особо не поменялось. Добавились несколько книг на полках, на столе появился портрет Дорвенов, а на стуле висел женский шарф. Я смущенно отвела глаза. Вот только я вроде бы видела где-то такой? Хотя могло и показаться.

Ждать мне пришлось полчаса. Провожать что ли ходил. Или... Вот на счет «или» продолжать мысли не стала, хватит с меня сегодня неловкостей.

Зашел Инеп уже причесанный и застегнутый на все пуговицы.

– Рассказывай, как успехи? – бодрым голосом поинтересовался он.

Я сдержанно поделилась с ним своими достижениями. Не ахти какие, но все же.

– Неплохо, неплохо, – отозвался Инеп, когда я закончила. – У меня, к сожалению, нет знакомых артефакторов, кто бы смог тебе помочь. И пока я не смог узнать поподробнее на эту тему, возможно, позже найду. А пока давай закреплять то, что уже на данный момент есть.

Сегодняшнее занятие прошло несколько сумбурно и скомкано. Было видно, что Инеп не хочет, чтобы я потеряла интерес к обучению, но в то же время сегодня я умудрилась спутать его планы, и поэтому ему не терпится спровадить меня быстрее.

К всеобщему удовольствию, домой я засобиралась спустя каких-то сорок минут с начала занятия.

– Если ты вдруг не сможешь прийти или задержишься – оставляй записку у старого колодца в саду. Там в нижнем ряду камень один вытаскивается. В это углубление и клади послание.

Было жутко интересно узнать, откуда же это ему известно, но победило желание поскорее отправиться домой.

– Извини, но я пока так никого и не нашел, кто бы смог тебе помочь с твоими способностями артефактора, – произнес Инеп, присаживаясь на стул напротив меня. По уже сложившейся традиции мы занимались у него в кабинете, иногда выходя в крошечный садик у дома.

Прошло уже два месяца с тех пор, как я стала ходить к Инепу. За это время он обучил меня простеньким заклинаниям, которые были полезны в быту, а также немного «подкачал» мне резерв. Проблем с пресловутым контролем не возникало: масштаб дара не тот. Да и магия больше не проявлялась яркими искрами.

С моим учителем у нас сложились, можно сказать, приятельские отношения. Не то, чтобы мы могли вечерами как заправские друзья общаться на личные темы – мы вообще мало разговаривали на темы, не касающиеся обучения. Да, мое происхождение все-таки не давало ему покоя, но я вовремя пресекала разговоры, касающиеся этой стороны моей

жизни.

– Значит, пока обойдемся тем, что есть.

– А знаешь, как в Амаллионском Университете происходит распределение? – перевел тему Инеп.

Я слышала что-то, но подробностей, разумеется, не знала.

– В Университете хранится один прелюбопытный артефакт, – глаза парня зажглись неподдельным восторгом. Когда он рассказывал о том, что его жутко интересовало, Инеп всегда выглядел именно так. – Называется он... – драматическая пауза, но на его губах едва сдерживаемая улыбка, – котелок Урды.

– Оригинальное название для реликвии, – я тоже не удержалась от улыбки.

– Какое есть. Легенды разное повествуют о его происхождении, но суть не в этом. Все желающие поступить в Университет на магическое направление приходят к этому самому котелку и бросают в него бумажки со своими именами. Одно условие, – вновь драматическая пауза, которыми иногда Инеп злоупотреблял, – имя должно быть написано кровью.

Я вздрогнула. Бр-р-р. Прямо какой-то некромантский ритуал.

– Ну а как происходит само распределение? – спросила я.

– Ректор университета, когда все желающие выполнили условие, поочередно называет факультет и вытаскивает бумажки с именами. Раскладывает отдельными стопочками, а потом уже составляются полноценные списки, которые на

следующий день вывешиваются. – Было видно, что парень жутко горд тем, что он владеет такой информацией и сейчас ею делится со мной. – Хочешь спросить причем здесь котелок? Ну так при упоминании факультета, можно достать имена только тех абитуриентов, которые Урда, богиня судьбы, присмотрела именно для него. Так говорили нам, а как оно на самом деле... Возможно, артефакт каким-то образом по крови определяет, какие способности наиболее ярко выражены у абитуриента. Бывает такое, что человек, уверенный, к примеру, что он прирожденный огневик, вдруг оказывается, допустим, на целительском или даже некромантском. Тут уж как определит богиня судьбы, хотя недоразумения случается крайне редко. Обычно уже с детства особенности дара проявляются, и изменения происходят нечасто.

– И что, ни разу ошибок не было? – удивилась я.

– Сложно судить, решение котелка – ошибка или нет, – развел руками молодой человек. – И понять, чем же руководствовалась Урда никому точно не суждено.

– Неужели все беспрекословно слушаются ее решения? – Наверное, я сейчас напоминала ребенка, которому рассказывали сказку. Вот только эта сказка вдруг оказалась реальностью. Странной, непонятной, неведомой, но реальностью.

– А вот тут и начинается самое интересное, – заговорческим тоном сказал Инеп. – Время от времени находятся смельчаки, которые решаются-таки пойти против воли Урды, но им попросту не удается зайти на территорию другого

факультета. Только на выбранный богиней. При этом, если человек начал обучение там, где ему было предназначено, он уже может свободно передвигаться по всей территории Университета. Ну, где возможно, конечно.

Инеп часто рассказывал мне различные студенческие байки, вызывая этими рассказами во мне острые приступы зависти. Я тоже так хотела!

Мне же приходилось довольствоваться только часами обучения с Инепом.

Глава 3

В доме Ровенийских переполох – через неделю приезжают Рон и Рун.

Ронольв закончил обучение в аспирантуре Амаллионского Университета. Он боевой маг, поэтому последнее время обучения его проходило преимущественно в разъездах, так как была необходима расширенная практика.

Рунгвальд же закончил обучение еще в прошлом году и все это время стажировался. Он как маг-артефактор был младшим помощником одного известного столичного мастера.

Матушка Фордис носилась как заведенная: следила за подготовкой комнат, распоряжалась, чтобы вдоволь навезли продуктов для любимых блюд мальчиков. Больше четверти века парням, а она «мальчики»... Хотя для нее они всегда будут именно ими.

Парни прибыли после обеда. У портала их встречал эдел Вистар.

За то время, пока они добирались от Управления перемещениями до дома, матушка Фордис вся извелась. Обычно спокойная Рини сейчас тоже была взбудоражена. Даже Диль сегодня сняла вою надменную маску, и улыбка ее была искренна и приветлива. Остальные члены большого семейства также находились в радостном ожидании.

Пока парней встречали, приветствовали, ощупывали, эдель Фордис сетовала, что они похудели. Я же стояла в стороне. Была уверена, что они оба не будут особо рады меня видеть. Ни с одним из них за столько лет я не смогла сдружиться. Рун меня так вообще ненавидел. Рон же был абсолютно равнодушен к моей персоне, лишь бы я не мешала ему, когда он гостит дома.

Когда все расселись за большим обеденным столом, сейчас накрытым празднично, эдел Вистар, сидевший, разумеется, во главе его, спросил:

– Ну что, парни, какие дальнейшие планы?

– Отец, планы на меня ты и сам давно составил, – усмехнулся Рон.

– И ты не против них? – хитро прищурился эдел, поинтересовался эдел. Ведь ясно же, что что бы сейчас ни ответил сын, отец знает, как склонить его к нужному решению.

– А куда я денусь? – Он тоже своего отца неплохо знал.

– Так что же это за планы такие? – не выдержав, спросила Диль.

Отец и сын, переглянувшись, ухмыльнулись.

– Отец собирается сделать из меня для начала своего помощника.

«А потом Ронольв заменит отца на должности главы провинции», – подразумевалось продолжение фразы, хотя это случится лет через десять. За это время Ронольв вполне будет готов к подобной должности.

– Ну а ты чем собираешься заниматься, Рунгвальд? – начал расспросы второго молодого человека эдел Вистар.

– Пару месяцев отдохну, а потом займусь обустройством поместья наших родителей.

– Ты хочешь уехать от нас? – упавшим голосом спросила матушка Фордис.

Все с удивлением посмотрели на Руна, а Иса еще и с недовольством.

– Дис, Рунгвальд уже взрослый и вполне самостоятельный мужчина, – произнес эдел Вистар, погладив жену по руке.

– Да-да, конечно, но... – не договорила она, увидев строгий взгляд мужа. Выражение ее лица стало откровенно грустным и расстроенным.

– Торопиться я не буду, – тем временем продолжил Рун. – Тем более дел там будет очень много, так как в доме же давно никто не жил. Да и участок привести в порядок надо, – перехватив взгляд сестры, Рун сказал: – Сестер я забирать с собой не буду, если они не захотят.

– Я не хочу! – тут же вставила Исгельна.

– А я поеду, – спокойно ответила Сивина.

– В любом случае, Иви, это будет не скоро, – ответил сестре парень.

– Ты будешь открывать свое дело? – продолжил расспросы эдел Вистар.

– Разумеется. Свою часть наследства, кроме поместья, я оставлю девочкам в приданое, а себе на жизнь и сам зарабо-

таю.

Решение, достойное уважения. Видимо, так же решил и эдел и с одобрением кивнул. В дальнейшем они стали обсуждать то, как лучше организовать то самое дело Руна. Хорошие артефакторы быстро становятся известными, они наперечет и весьма ценятся. А уж насколько талантлив Рунгвальд – судить не мне. Было бы, конечно, любопытно, да и полезно мне к тому же, понаблюдать за ним во время работы, но кто ж меня допустит?

В доме стояла прямо-таки праздничная атмосфера: смех, шутки, веселый гомон голосов. Хоть парни и писали достаточно часто, но что рассказать, чем поделиться, они нашли. В свою очередь Диль и Рини наперебой делились местными новостями, вот только Игельна несколько хмурилась и с неодобрением смотрела на брата.

А я чувствовала себя чужой. И, вроде, мне бы радоваться, что все семейство в сборе, но глухая тоска не покидала меня.

Как там мои родные, любимые и бесконечно далекие? Брату было уже десять лет. Мама писала, что он лучший наездник во всей округе, даже получше многих взрослых. И растет он копией отца. От мамы ему достался только неспокойный характер. До чего же хотелось увидеть Теора! Отец обычно в письме писал пару строчек о том, что у него все хорошо и что он скучает. Мне казалось, что он до сих пор так и винил себя в произошедшем. Зато мама старалась за двоих: из листов ее послания можно было выложить неболь-

шую простынь. А следующее письмо будет только через семь месяцев...

С Инепом сегодняшнее занятие пришлось отменить, а в оживленный разговор Ровенийских и Натсенов меня как-то не приняли.

Побродив по террасе, на которой все расположились, погоняв паучков, кое-где притаившихся в углах, я тихонько покинула ее.

Мое внимание привлекли старые качели. Когда я здесь появилась, они уже висели. Наверно, на них качались несколько поколений детей наместников. Дощечка уже немного рассохлась, а веревка, которую хоть и меняли время от времени, когда она протиралась, сейчас была уже потемневшей от возраста и огрубевшей, но вполне прочной.

Я расплела надоевший за день пучок и распустила волосы. Ох, как же хорошо!

Раскачиваясь на качелях, я болтала в воздухе ногами, откинувшись назад и волосы всего немного не доставали до земли. Совсем как в детстве. Не хватало только Руна, который обычно сидел на скамейке с Диль и бросал мне гадости. Когда-то они даже проводили чуть ли не соревнования: кто придумает реплику пообиднее?

Иногда мысли материализуются. Ну хоть без Диль появился.

От неожиданности я зацепилась ногой за землю и чуть было не упала.

– Добрый вечер, Астари, – обратился ко мне Рун. Меня он никогда не называл кратким именем.

Прочистив горло, я ответила:

– Добрый.

«Был. Пока ты не появился».

«Пока тебя не увидел», – было написано на лице Руна.

И тишина. И чего уставился на меня выжидательно, как будто я должна ему что-то? Рун усмехнулся и начал меня раскачивать. Как только я к нему вновь приближалась, он несильно отталкивал. И молчал, внимательно всматриваясь в меня своими темными глазами, которые поздним вечером казались практически черными.

– А что, уже все разошлись?

– Ага. Время позднее, а день был весьма насыщенным.

– Рад, что вернулся домой? – глупый вопрос задала я. Конечно, он рад, но тягостную тишину я не смогла терпеть и дальше.

Рун посмотрел на меня, всем своим видом говоря: «Ты и сама знаешь ответ, и твою уловку я прекрасно понял».

Через пару минут он все же прервал безмолвие:

– Ты знаешь, что, как только тебе исполнится двадцать лет, ты сможешь съехать от Ровенийских и жить самостоятельно?

– Нет, мне это было неизвестно, – пробормотала я. Вот это новость!

– Со средствами на существование у тебя точно проблем

не будет, маркиза, — язвительно протянул Рун.

Я промолчала, а парень чуть сильнее оттолкнул меня.

— Поэтому, как только придет время, ты покинешь этот дом, — припечатал Рун.

— Я его покину только тогда, когда этого захотят хозяева этого дома! — вспыхнула я, а внутри стала накатывать паника. Вдруг Ровенийские и вправду не захотят, чтобы я и дальше жила с ними? В конце концов их обязали меня приютить...

Да ну, бред! Матушка Фордис никогда не разделяла меня и Натсенов, ко всем относилась хорошо, а узнав, что они могут уехать, вон как расстроилась. Может, и меня не будут отпускать?

— А тебе-то какая разница, где я буду жить после двадцатилетия? Сам же ты к тому времени, если я правильно поняла, собрался жить в доме своих родителей, — заметила я.

— Ты и так слишком долго здесь загостилась, — зло произнес парень.

— Какое тебе до этого дело?! Тебя-то каким боком это касается?! — чуть ли не прокричала я.

— Не твоего ума дело, — раздраженно ответил Рун. — Только знай, что я сделаю все возможное, чтобы ты покинула этот дом! — произнес парень, при этом неожиданно для меня резко дернул за веревку. Чтобы удержаться и не упасть под ноги Руну, я крепче ухватилась за веревку. Получилось удачно лишь отчасти: жесткая веревка сорвала с моих ладоней кожу. Я сдавленно охнула от боли. Парень, вероятно, подумал, что

так я среагировала на его последнюю реплику. Он оттолкнул меня, сказал, словно выплюнул, «дикарка!», окинул еще одним ненавидящим взглядом и, развернувшись, ушел.

Глаза жгли слезы, прежде всего слезы обиды. Вот и закончилась моя спокойная жизнь. Я же ему ничего не сделала, но буду вынуждена еще и страдать за это?

Вытерев слезы, еще пару раз охнув от того, что они попали на пораненную ладонь, я пошла на кухню – где-то в недрах одного из многочисленных шкафчиков была аптечка.

Ругаясь себе под нос, я искала аптечку. Ругалась тихо, так как уже было достаточно поздно и шуметь было нежелательно. Тем более привлекать внимание кого бы то ни было из слуг – к чему лишние слухи?

В очередной раз за сегодняшний вечер все пошло не так, как мне хотелось.

– Что ты ищешь, Асти? – спросил Рон.

Он зашел на кухню и зажег свет – я пыталась пока обойтись и без освещения.

– Аптечку, – ответила я, отвернувшись и всем своим видом как бы сообщая: «Не мешай, я сейчас все найду и вообще, сама справлюсь». Не помогло.

Рон встал рядом со мной и принялся методично обследовать шкафчики в поисках необходимого. Искомое нашел именно он.

– А зачем тебе нужна аптечка? Что-то случилось? – только сейчас спросил парень.

Вот чего он ко мне пристал?! Помог и ладно, иди уже отсюда...

– Руки поранила, – нехотя ответила я.

– Покажи, – мягко, но приказал Рон.

Я замотала головой.

– Да я и сама справлюсь, там ничего страшного, – заверила я и на всякий случай спрятала руки за спину. – Большое спасибо, что помог с поисками.

И выжидательно на него посмотрела – намек был непрозрачным.

Рон усмехнулся, покачал головой и ухватил меня за руку, а вырваться или отпрянуть я не успела.

Он внимательно осмотрел мою ладонь.

– Чем?

– На качелях веревкой.

Парень посмотрел на меня, как на маленького ребенка. Я пожалала плечами – как уж вышло. Сдавать его друга уж точно я не собиралась.

– Я обработаю, – произнес Рон.

– Сама вполне могу справиться, – возразила я уже во второй раз за последние несколько минут.

Он зыркнул на меня своими синими глазищами так, что я быстро захлопнула рот. Сам так сам.

Рон аккуратно промыл ладонь настойкой какой-то лечебной травы. Что нужно именно это средство, парень определил по запаху. Ну так он же боевой маг, его, наверняка, обу-

чали основам лекарского дела.

Настойка оказалась спиртосодержащей. Я сквозь зубы рвано выдыхала, руку как огнем полоснуло.

Рон, бережно держа мою ладонь, наклонился к ней и по-дул...

Тут я чуть не охнула от неожиданности и смущения, зато отвлеклась от боли. На мгновение я забыла, что вторая рука тоже пострадала. Сын наместника же не забыл.

– Ты сказала, что поранила руки, – сказал он. – Давай вторую.

Процедура повторилась.

Я как всегда порадовалась, что на моих щеках не слишком виден румянец.

– Э-э-э, спасибо, – проблеяла я, спешно отнимая руку и, забыв о боли, стала складывать вытащенные лекарства обратно в аптечку.

– Да погоди ты, – рассмеялся Рон и аккуратно забрал из моей руки флакончик. – Сейчас я мазью заживляющей смажу, и можешь быть свободна.

Когда он все выполнил, то, наконец-то, отпустил меня. Я быстро сложила все в аптечку, вернула ее на место и поспешила покинуть кухню. И все это под внимательным взглядом Рона.

Уже у себя в комнате я поняла, что даже не пожелала ему спокойной ночи. Ай-ай-ай, какая невоспитанная девушка!

А щеки все еще горели огнем. Приложив к ним холодные

пальцы, я зажмурилась.

Вот жила себе спокойно, никого не трогала, ко мне тоже не особо совались. А теперь один взялся меня учить, другой собирается меня выжить из дома. Третий... чего третьему-то от меня надо? С другой стороны, он всего лишь мне помог, а я тут начинаю выдумывать всякие глупости. Наверно, скажется то, что парни так мало обращали на меня внимание раньше, что любое проявление вежливости да просто любезное отношение принимается мной за нечто большее.

Ну вот! Самоанализ иногда очень полезная штука. Разложив все по полочкам, я смогла спокойно уснуть.

Утром те вещи, которые волновали еще вечером, кажутся уже совсем другими, не такими значимыми. Вот и я, отбросив все сомнения, со спокойной душой спускалась к завтраку.

Правда, руки пришлось обмотать бинтами, так как за ночь повреждения начали покрываться тоненькой коркой, а кое-где еще все-таки кровили. А так я, разумеется, привлеку к себе излишнее внимание, но хотя бы огражу ладони от лишних травм: пока я расчесала свои волосы щеткой, пару раз чувствительно задела ранки.

Завтрак проходил во все той же легкой, непринужденной обстановке. Матушка Фордис строила планы, чем занять «мальчиков». Сестры «мальчиков», перебивая друг друга,

предлагали свои варианты. Сами «мальчишки» молча ели, время от времени переглядывались и посмеиваясь.

А я свою выдержку переоценила. Взгляд от тарелки я не поднимала, давясь хоть и вкусным, но сейчас ощущавшимся уж точно не таковым завтраком. Встретиться взглядом с Руном было страшно – в свете дня горевшая в его глазах ненависть виделась мне куда более убедительной, чем вчера. А встретиться взглядом с Роном было... волнующе.

– Асти, что у тебя с руками? – матушка Фордис все же обратила на меня внимание, отвлекшись от парней.

Все тут же уставились на меня. Рун же смотрел в мою сторону, как ни странно, без ненависти. Недоуменно и... раскаянно?

– А Асти вчера детство вспоминала на качелях, – ответил за меня Рон, даже не дав мне раскрыть рот. – Видимо, увлеклась воспоминаниями и с трудом удержалась на них. Может, стоит веревки обвязать чем-нибудь помягче?

Вот теперь все смотрели на него. Кроме Рини. Та смотрела на меня удивленно и как будто с затаенной радостью. Я хмуро уткнулась в тарелку. Куда бы сбежать после завтрака?

– Что же ты так неаккуратно? – вздохнула эдель Фордис. – Может, нужно целителю показать, а то вдруг шрамы останутся? Руки – визитная карточка эдель.

– Все нормально, мама, – вновь ответил Рон. – Я обработал ей руки. Заживет, и следа не останется.

Чудесно. Я могу теперь вообще рот не открывать?

А с другой стороны, не нужно было самой придумывать объяснения. Все-таки надо будет поблагодарить парня.

Эдел Вистар, хитро прищутив глаза, перевел взгляд с сына на меня. И подмигнул, а я подавилась оладушком. Милая Диль быстро оказала мне услугу. Зная, что дома я никогда не надеваю корсет, она с особым усердием постучала мне по спине. Если бы в этот момент на меня не смотрела матушка Фордис, то я бы обязательно выплюнула пресловутый оладушек на Диль.

– Спасибо, – прохрипела я, отодвигаясь от Диль. Приступ ее любезности моя спина долго не выдержит.

Из-за стола я вылетела стрелой.

У выхода из дома меня за локоть поймал Рун.

– Это моя вина? – хмурясь, спросил он.

Я отвела глаза и поджала губы. Не собиралась я давить на жалость, еще чего не хватало! Тоже мне трагедию сделали. Когда я еще лет пять назад с периодичностью раз в неделю сбивала колени и локти, никого это особо не волновало.

– Ну? – не отставал парень.

– Отстань, – сказала я, пытаюсь вырвать руку.

Не тут-то было – держал меня Рун крепко.

– Я ответа жду.

– И жди. Только подальше от меня, – возмутилась я.

– Не испытывай мое терпение, – зло ответил парень.

– Не испытывай на прочность мою руку, – в тон ему отозвалась я, – синяки останутся.

Хватка ослабла, но не исчезла.

Так мы и стояли друг напротив друга, сверля противника взглядом. Никто не отступал.

– А что это вы тут делаете? – удивленно взирая на наши застывшие фигуры, спросила Рини.

– Да вот, Руну тоже отчего-то стало интересно, что же там за недоразумение у меня произошло с качелями, – я первой успела ответить на вопрос.

Рун окинул напоследок меня еще одним злым взглядом, нарочито медленно разжал руку, тем более, что этого Рини видно не было, и уже с приветливой, прямо-таки сладко-приторной улыбкой обернулся к ней.

– Я решил узнать у Асти, чем лучше обвязать веревки. А то вдруг кто-то еще поранится? – произнес он.

– Кроме Асты ими больше никто не пользуется, – отмахнулась Рини. – Пойдемте лучше гулять в парк. Там сегодня цирк бродячий выступает.

А дальше меня вновь схватили за мою многострадальную руку. Только это теперь была подруга. И, потащив меня на выход, она на ухо мне прошипела:

– А теперь отвечай честно! Что происходит?

– Разве что-то происходит? – удивилась я.

В этот раз Рини мне не поверила.

– Аста. Что. Происходит, – в голосе подруги прорезались стальные нотки. Наследственность эдела Вистара, однако. Вот и голос не повысила, а мурашки от подобного тона про-

бежали.

– Ты же знаешь, мы с Руном всегда не особо ладили. – Заметив недовольный взгляд Рини, я исправилась: – Ладно-ладно. Совсем не ладили. С его возвращением ничего в наших отношениях не поменялось.

– Вот я совсем вас не понимаю. Взять Руна. Он же со всеми другими девушками всегда вежливо, любезно общается. А с тобой... Да и ты хороша! Не останешься никогда в долгу. Обязательно отвечаешь грубостью. – Подруга укоризненно покачала головой. – В следующий раз попробуй не грубить. Иногда и вежливость творит чудеса.

Если бы все было так просто.

В экипаже разместились я, Рини, Рик, Иви и Рун. Чем подруга тут же решила воспользоваться.

– Ру-у-ун, – протянула Рини, обращаясь к парню. Он отвлекся от созерцания пейзажа за окном и с легкой улыбкой на губах повернулся к девушке. Для Рини ему никогда не было жалко улыбки. Я вообще не помню, чтобы он на нее смотрел хмуро.

– Что?

– Почему ты не желаешь оставить детскую вражду с Астой? Неужели вы не можете хотя бы попробовать поладить друг с другом? – серьезным голосом спросила Рини.

Улыбка с лица парня сползла.

Прищулив глаза со злым огоньком, он посмотрел на меня. Неужели думает, что я проболталась подруге? Не то, чтобы я совсем смолчала, но главное так и не произнесла, а остальное и без того было Рини известно.

– Нет никакой вражды, – бесстрастно ответил Рун. Лжет и не краснеет. – Мы прекрасно ладим.

– Врешь, – горько вздохнув, сказала Рини.

– Вру, – с показушным покаянием он опустил голову.

Ни Эйрик, который читал очередную книжку про морские приключения, и которого вытянули на прогулку в парк со словами: «Хоть воздухом подышишь, а не книжной пылью», ни Сивина, которая с рассеянной улыбкой смотрела в другое окно экипажа, не вслушивались в наш разговор. Им и в своих грезах неплохо: мальчик предпочитает миры, выдуманные другими, Иви придумывает сама.

– Разве тебе Астари что-то плохое сделала? – не унималась подруга.

– Нет, но...

– Рини, это не твое дело! – тут не выдержала уже я.

Не хватало еще наши непростые взаимоотношения прилюдно обсуждать. И пусть Рик и Иви не слушают, но это как-то неправильно.

– Мое! – возразила Рини. – Вы оба для меня родные люди, пусть и не по крови. Я не желаю, чтобы вы находились в какой-то непонятной и, наверняка, глупой ссоре!

Столь эмоциональной отповеди от Тринвер никто не ожидал. Даже Рик оторвал взгляд от книжки – он с недоумением посмотрел на сестру. А та и сама смутилась от своей выходки. В карете повисло молчание. Мальчик, еще раз оглядев всех, хмыкнул, пожал плечами и вновь углубился в чтение.

– Мы попробуем найти общий язык, – заверил Рини Рун.

Я опешила и уже хотела было задать вопрос, о чем это он, как мне на ступню не сильно, но весьма чувствительно приземлилась нога парня, и он выразительно на меня посмотрел. Затеял какую-то игру? Ну ладно, потом разберемся. Надеюсь, мой взгляд сейчас был не менее выразительным.

– Обязательно. Попробуем. – Я мило улыбнулась Руну.

Рини кивнула, соглашаясь с нами и с видом, как будто она справилась с миротворческой миссией, стала рассказывать, что за развлекательную программу она придумала для нас. Не без матушки Фордис, конечно.

А пока подруга не видела, Рун продемонстрировал мне ну очень интересный жест: с самым зверским видом провел большим пальцем себе по шее. Я не осталась в долгу: прищурила глаза и сжала кулаки, водрузив один на другой, изобразив удушение.

Рини наконец достала из своей сумочки афишу цирка. При этом краем глаза она заметила, что я поспешно переместила руки и сейчас с невинным видом накручиваю локон на палец. Я и Рун синхронно улыбнулись во все зубы.

«Мы уже начинаем дружить».

Рини продолжила свой рассказ.

Добрались до парка мы спокойно.

Подруга подхватила меня и Руна под руки и повела нас гулять по парку. До представления был еще час.

И теперь я ощущала себя третьей лишней: Рини и Рун оживленно что-то обсуждали, а я им для разговора уже не требовалась. К тому же периодически я оборачивалась, приглядывая за Риком и Иви. С них станется и потеряться.

В конце концов мне это надоело. Я аккуратно отцепила пальцы Рини от своего локтя, хотя могла бы и не стараться – она даже не заметила. Оглядевшись по сторонам, я быстро нашла нужную мне торговую палатку. Пирожные!

Вот только дойти до нее мне не дали.

– Держи, – сказал Рон, протягивая мне бумажный пакет, а внутри оказалось то, чего мне безумно сейчас хотелось.

– А как... что... – мысль сформулировать не удалось, но, как ни странно, парень меня понял.

– Догадался, – хмыкнул Рон, – только за Риком и Иви следить не забывай. Будем сегодня няньками.

И подхватил меня за локоть.

Так мы и гуляли: впереди Рини и Рун, за ними щебечущие Диль и Иса, после – Рик и Иви. Мальчика, так и не отрывающего глаз от книги, вела за руку девушка, которая и сама-то не особо смотрела себе под ноги. Она как обычно нашла где-то цветок, который нюхала со счастливым видом, иногда бросая по сторонам рассеянный взгляд.

За всей этой процессией шла я под руку с Роном. Он начал мне рассказывать забавные истории, случившиеся с ним во время последней практики. Я же могла только кивать и блаженно улыбаться, так как мой рот был занят сладостями.

Никого не потеряв по дороге, неспешным шагом мы добрались до шатра, где должно было состояться представление.

Билеты у себя хранила Рини. Мне-то точно их доверять не стоило – потеряла бы еще где-нибудь по дороге.

Мое место оказалось между Роном и Риком. Рик наконец-то вынырнул из книжного царства. Он с любопытством стал крутить головой, высматривая что поинтереснее, пока само представление не началось. А Рон продолжал развлекать меня рассказами. Я хохотала как ненормальная. Рини шипела что-то вроде: «Тише! Ты же эдель!». А как тут удержаться?

С началом действия на манеже все мое внимание было приковано только к нему. Наверно, я и Рик сейчас мало чем отличались: мы оба с таким восторгом смотрели представление, что над нашим детским писком и охами Рон только посмеивался.

В тот момент, когда на площадке появились акробаты и стали демонстрировать невероятные трюки, Рик схватил меня за руку. Еще бы! Они такое вытворяли! Аж дух захватывало! А потом уже и я в порыве эмоций крепко уцепилась за руку Рона. Он же успокаивающе погладил мои пальцы.

Рик уже давно убрал свою руку и с независимым видом взирал на дрессированных собачек. Мне же свою ладонь обратно вернуть не удалось. Так мы и просидели до конца представления.

Выйдя из шатра, я и Рик стали наперебой делились своими впечатлениями. Другие участники нашей компании не все наши эмоции разделяли. Зануды.

Рини хотела повести нас на ярмарку, но Диль и Иса были категорически против.

– Мы и в парке можем еще погулять, – заявила Диль и утащила свою подругу в сторону аллеи.

– Встретимся через полтора часа на входе! – успела выкрикнуть Игельна, прежде чем они скрылись.

Рини растерянно смотрела им вслед.

– Вот же... – договаривать она не стала. «Эдель не ругаются».

Только с досадой топнула ногой и пошла к скамейке. К ней присоединился Рун. На соседнюю скамейку сели Иви и Рик. Мальчик достал книжку, а девушка, подставив солнцу лицо, прикрыла глаза.

Мы с Роном переглянулись.

– Пойдем, тоже прогуляемся, – кивнул в сторону другой аллеи он.

– Пойдем, – вздохнула я.

Только теперь Рон молчал и просто шел рядом. Мне же в голову совсем ничего не приходило, и, как начать хоть ка-

кой-то разговор, я не знала.

– Асти, не злись на Руна, – вдруг произнес парень.

От неожиданности я даже остановилась.

Дама, выглядевшая как «истинная эдель», врезалась в меня, сопроводив это словами:

– Думай, что творишь, дикарка! – взвизгнула она. – Понаехали и людям пройти спокойно не дают уже!

Я отступила, проводя недоуменным взглядом женщину. Не буду же я грубить незнакомому человеку?

– Что ты имеешь в виду? – наконец спросила я Рона.

Он отодвинул меня к краю дорожки ближе к себе.

– Понимаешь, в чем дело... Рунгвальд, он же хороший парень, добрый, заботливый. Ради своей семьи он готов на все. Сестер своих обожает. – Все это я и сама прекрасно знала. – А то, что он к тебе цепляется... – Рон сейчас явно с трудом подбирал слова и не знал, как защитить друга. И мне вновь стало обидно. За Руна есть кому заступиться, а мне что делать? – Он не на тебя злится, а на своих родителей. Они же фактически бросили своих детей на моих родителей, а сами отправились на войну, хотя и без них там могли спокойно обойтись. Как выяснилось, их занятие оказалось им дороже, чем собственные дети. Вот за это Рун так и не может отца и мать простить. И то, что их нет в живых, и то, что прошло уже столько лет... Для него это не играет роли.

Я перебила Рона:

– Все это понятно, но я-то здесь причем?

Парень сжал губы и размышлял, как бы помягче сообщить мне, хотя я и так догадывалась, что он может сказать.

— А ты для него человек, на котором проще всего сорвать злость. — Рон поморщился, а я кивнула, продолжая внимательно слушать неприятные мне вещи. — Ты, хоть и вадомийка, но тоже пострадала из-за этой войны. Только вот твои родители живы...

И что выходит, будь мои родители мертвы, тогда бы и был повод относиться ко мне лучше?

Я отвернулась и, не поднимая головы, побрела по краю дорожки, а то, не приведи Рауд, опять в кого-нибудь врежусь.

— Асти! — окликнуть меня Рон.

Да пропадите вы все пропадом!

Приподняв юбку, чтобы не запутаться в ней, я побежала. Куда меня несут ноги, мне видно не было из-за пелены слез.

Дура наивная! Поверила доброте парня? А он ради друга соловьем разливался.

В кармане нашелся платок. Кое-как вытерев слезы и протерев нос, я смогла наконец-то оглядеться, куда же я забежала.

В этой части парка мне прежде бывать не доводилось. Оно и немудрено, так как сюда вообще редко кто приходил — дорожки, беседка и кустарники выглядели заброшенными и неухоженными.

И надо ж было такому случиться, что именно здесь я наткнулась на Инепа.

– Привет, Асти, – улыбнулся мне парень, но при этом смотря куда-то мне за спину.

Я обернулась. За колонной старой беседки мелькнул подол. Ну вот, опять расстроила его свидание!

– Привет, – ответила я. – Извини, я наверно помешала.

– Ничего-ничего, – возразил Инеп. – Я встретил знакомую, но ей уже нужно было уходить.

Молодой человек внимательно посмотрел мне в глаза.

– Асти, ты плакала? – обеспокоенно спросил он. – У тебя что-то случилось?

– Нет... то есть да, – я отвела глаза и не знала, что ответить. С досады потерла ладонью лоб. Не буду же я ему плакаться или жаловаться?

– И все же? – настаивал Инеп.

Я покачала головой.

– Еще раз извини, что я помешала тебе, – быстро протаторила я. – Я, наверно, пойду? – Полувопросительно произнесла я.

Вот только куда мне идти, я понятия не имела, а появляться сейчас ни перед Роном, ни вообще дома мне категорически не хотелось.

– Э-э-э, нет, – остановил меня Инеп. – Я тебя так просто сейчас не отпущу. Тебе нужно успокоиться. Куда ты пойдешь такая расстроенная в одиночестве?

Вот и я думаю, что некуда.

– Ты здесь с Ровенийскими? – спросил парень.

– Да, но...

– Но ты пока не хочешь к ним идти?

Я кивнула, тяжело вздохнув.

– Пойдем тогда ко мне, – предложил Инеп. Я хотела его перебить, но он не позволил: – Напою тебя чаем, а потом сможем и позаниматься. Тем более последние занятия ты пропустила.

– Меня будут искать, – пробормотала я.

Инеп отмахнулся:

– Скажешь потом, что в парке гуляла и не заметила, как время пролетело.

Не самое лучшее оправдание, но другое я сама не придумаю уже.

– Ладно, – согласилась я.

Инеп вывел меня через выход, которым редко пользовались: петли калитки скрипели безбожно.

Молодой человек, как и обещал, напоил меня чаем, и мне действительно стало легче. Инеп не стал приставать ко мне с расспросами, за что я ему вдвойне была благодарна.

Вот только занятия как такового сегодня не состоялось. Сосредоточиться мне толком не удавалось. Зато Инеп дал мне полистать где-то раздобытую им книгу «Основы построения заклинаний для амулетов». Я вцепилась в нее по сильнее, чем сегодня в пирожные, которыми меня угостил Рон. Вспомнив это, я вновь расстроилась.

– Извини, домой книгу дать не могу – она не моя. Я одол-

жил ее у давнего знакомого, – увидев мою реакцию на учебник, заметил Инеп.

– А что за знакомый? – тут же спросила я.

Парень замялся, а я смутилась: «Вот какое мне дело?».

– Мы познакомились еще в Амаллионе. Он в некотором роде тоже артефактор.

– Почему в некотором роде? – удивилась я.

– Он самоучка.

– А-а-а, – протянула я и дальше погрузилась в чтение.

Минут через тридцать Инеп меня окликнул:

– Астари.

– М? – не отрывая взгляда от книги, отозвалась я.

– Ты бы хотела познакомиться с ним?

– С кем? – рассеянно спросила я.

– С хозяином книги.

– А... можно?

– Вполне, – утвердительно кивнул парень. – Через пару дней он будет проездом здесь. Я могу организовать вам встречу. Уверен, он много чего интересного сможет тебе рассказать.

– О, Инеп, – восторженно выдохнула я, – это было бы чудесно! А этот человек точно не будет против?

– Не переживай, я с ним уже договорился, – помахал письмом из почтовика Инеп.

По моей излюбленной привычке захотелось кинуться на шею к парню в порыве благодарности. Только вот, боюсь, он

меня не так поймет.

Протараторив слова благодарности, засобиравалась домой. Я с огромным сожалением оставляла на столе книгу. Ничего, зато в скором времени узнаю много поучительного, так сказать из первых рук. Или уст?

Мое теперь уже приподнятое настроение портили только мысли о возвращении домой, где меня, наверняка, ждет не самый ласковый прием.

Возвращаться решила через парк, а то мало ли что.

Интуиция меня не подвела – у центрального входа меня ждал Рон.

– Где ты была? – строго спросил Рон.

– Гуляла, – спокойно ответила я.

Сейчас я и была спокойна. Желание расцарапать смазливую физиономию этого типа благополучно дремало.

– Я не нашел тебя.

– Значит, плохо искал, – ответила я и прошла мимо него, выходя из парка на улицу.

Отсюда до дома было минут сорок пешком. Пройдусь, а в одну карету с этим – не сяду!

– Асти! – окликнул вновь меня Рон. – Подожди! А теперь ты куда направилась?

– Как куда? Домой.

– Экипаж же в другой стороне стоит.

– Я продолжу прогулку. Погода, знаешь ли, позволяет. Я бы даже сказала – шепчет.

И пошла неспешным шагом по тротуару.

Через пару минут Рон догнал меня.

– Я отпустил экипаж, – произнес он.

Упорно молчала и следовала дальше по своему маршруту.

Парень не отставал.

– Я Рини предупредил, что мы с тобой еще немного погуляем и вернемся позже.

Ноль внимания. Идем дальше.

– Теперь ты и на меня злишься? – И бездна недоумения в голосе.

В ответ – тишина.

– Асти, это уже не смешно!

А кто смеется-то?

Прорывав какое-то ругательство сквозь зубы, то, которое не следует говорить в присутствии эдель, Рон обогнал меня и остановил, придерживая за плечи.

– Мне что, извиниться перед тобой надо, чтобы хоть что-то от тебя услышать?

Я дернула плечом, освободив его от руки парня, мило улыбнулась и пошла дальше.

– Асти! Я прошу прощения! За себя, за своего друга! – Рон все-таки начал извиняться. При этом его громкий голос привлек внимание прохожих, которые с любопытством на нас посматривали.

Зачатки воспитания матушки Фордис во мне все же прижились. Посчитав, что это не особо прилично, я уже сама

схватила парня за руку и произнесла:

– Тише ты! Зевак только ловить не надо.

Рон улыбнулся, довольный тем, что смог привлечь мое внимание, и продолжил уже тихим голосом:

– Асти, прости. Я виноват. Не так выразился и обидел тебя. Мне сложно понять как Руна, так и тебя. Однако я пытаюсь это делать. И я обещаю, что Рун не причинит тебе вреда. – Я удивленно на него посмотрела. Неужели Рону стали известны те угрозы? – Он попросту не способен на это. Да и вообще, я уверен, что как только он узнает, что ты за человек, Рун поймет, что злиться на тебя нет смысла. Я с ним обязательно поговорю. Ему нужно время.

– Десять лет – недостаточный срок? – спросила я, пытаюсь за раздражением скрыть растерянность.

– Все это время дома он бывал не слишком часто. Учеба, работа, – уточнил Рон. И на все-то у него находятся объяснения. – Сейчас самое время.

– А ты откуда знаешь, что я за человек? – поинтересовалась я. Меня все же несколько удивила та его фраза.

– Как думаешь, кому посвящалась половина каждого письма Рини? – и Рон подмигнул мне.

Я вновь впала в ступор. Вот же! Даже слов нет! И зачем ей это надо было?

Рон рассмеялся и, слегка сжав мое предплечье, повел меня дальше.

Домой мы прибыли только к ужину. Все ждали только нас,

при этом встречали с такими лицами, как будто нас уже можно было поздравить со скорой свадьбой.

– Как прогулка? – первой успела спросить Диль.

– Замечательно, – широко ей улыбнувшись, ответил Рон, и мы наконец пошли к столу.

Я жутко проголодалась, а насладиться едой мне не давали Рини и Иса, севшие по обе стороны от меня.

– А где вы гуляли?

– Вы просто гуляли?

– О чем разговаривали?

– Почему вы вообще решили погулять отдельно от всех?

Я набила рот едой, чтобы не было соблазна сказать какую-нибудь гадость.

Рона, видно, теми же вопросами с крайне недовольным видом закидывал Рун.

Чета Ровенийских, напротив, была чрезвычайно довольна. В особенности матушка Фордис, и это несмотря на то, что я и Рон опоздали к ужину и все были вынуждены нас ждать. Вероятно, в данном случае она решила поступиться приличиями.

Подозревая, что меня будет ждать самый настоящий допрос, я сбежала после ужина. В прямом смысле этого слова: бегом отправилась к себе в комнату и заперлась там.

Все мои мысли занимали совсем другие думы.

Взяв листок и карандаш, я начала обдумывать: какие же вопросы мне задать тому заезжему магу? Думаю, времени

пообщаться у нас будет не так много, поэтому разузнать смогу мало. Надо постараться подготовить хотя бы самые общие вопросы. Ну, например, по каким книгам лучше заниматься? Конечно, сами книги я достать могу с большим трудом, и в этом мне смог бы помочь Рун, даже не догадываясь об этом. Была у меня одна идея...

Настырный стук в двери мешал сосредоточиться.

– Асти, открой! – требовала Тринвер. – Я не уйду, пока не поговорю с тобой!

– Мы сегодня уже наговорились! – также через дверь прокричала я. – И вообще, я устала и хочу спать.

– Выспишься еще! Только поговорим, и обязательно выспишься!

Надеюсь, не вечным сном.

– Ну чего тебе? – не выдержав, я все же открыла дверь.

Подруга тут же влетела в комнату и чуть не снесла меня с пути. Рини с удовольствием устроилась на моей кровати и, взирая на меня горящими любопытством глазами, выпалила:

– Тебе нравится Рон?

Я тяжело вздохнула и присела рядом с ней.

– Тринвер, вот скажи мне, пожалуйста, с каких это пор ты стала свахой подрабатывать? – едко поинтересовалась я.

Подруга отвела взгляд и нервно сжала руки.

– Ничего такого не было, – пробормотала она.

– Хорошо. Не было, – вроде бы и согласилась я, а сама тут же спросила: – А в письмах ты ему что писала?

– Правду!

И не поспоришь.

А она даже не стала спрашивать, откуда мне известно про письма.

Я с тяжким вздохом откинулась на кровать.

– Рини, всего два дня прошло, – начала объяснять я. – Мы, можно сказать, заново с ним знакомимся. И тут ты со своими «нравится ли он мне».

– Мне вот Руна нравится, – тихо прошептала подруга, укладываясь рядом со мной.

Мы принялись с преувеличенным вниманием разглядывать балдахин над моей кроватью. Красивый такой, нежно-персиковый, с золотыми узорами.

– И это ты поняла за два дня? – спросила я тихо.

– Нет, – вздохнула Рини, все также не смотря на меня. – Я это давно поняла. Просто...

– Раньше ты была младше, и он вряд ли бы обратил на тебя внимание?

– Наверно.

Я дотянулась до руки подруги и сжала ее ладонь.

– Что я могу сказать? Судя по реакции Руна на тебя – у тебя есть все шансы.

Рини тут же подскочила, вырвала свою руку и прижала ее к груди.

– Ты, правда, так думаешь? А с чего ты вообще так решила? Ты не выдумываешь?

Я закатила глаза – ох уж эти влюбленные.

– Я же не слепая. И прекрасно вижу, как он на тебя смотрит.

– Всего лишь? – разочарованно выдохнула Рини.

– А тебе мало? – удивилась я.

Хотя неуверенность влюбленной девушки понятна.

– Нет. Наверно, это о многом говорит.

Подруга вновь тяжело вздохнула и отвернулась к окну. Там уже разливались сумерки, а из открытой оконной створки врывался свежий воздух, теребя занавески.

– Мне страшно, – прошептала Рини и резко обернулась ко мне. Глаза ее подозрительно блестели. – А вдруг я себе понапридумывала и мои чувства невзаимные?

Я покачала головой и придвинулась ближе к ней. Пригладила волосы подруге. Уж если она не обратила внимание на беспорядок в своей прическе, то, значит, дело совсем плохо.

– Ну что ты, Рини, – успокаивающе говорила я, – все будет хорошо. Так мало времени прошло. Вот увидишь, он не устоит перед тобой.

Рини порывисто прижалась ко мне, пряча лицо у меня на груди. Я обняла ее и, глядя по голове, перебирая ее шоколадного цвета волосы, приговаривала, что у нее все будет хорошо. А зачем еще нужны подруги?

Немного успокоившись, Рини отодвинулась от меня.

– И правда, чего это я? У него просто выхода другого не будет. Влюбится как миленький, – воинственно произнесла

она, шмыгнув носом.

Я рассмеялась, и Рини тоже улыбнулась.

– Пойду лучше спать, – сказала подруга, поднимаясь с кровати.

Небось сейчас начнет разрабатывать стратегические планы по покорению Руна.

Оставшись одной, я все-таки задумалась о Роне.

Сказать, что он мне прямо-таки нравится, я не могла. Симпатичен, да. А вот восторгов по поводу него я не питала. Он привлекателен, этого не отнимешь. Высокий, стройный, с волосами, как и у Рини, цвета темного шоколада. Глаза большие, синие. Какие ж у него губы? Губы как губы. Ничего особенного. И тут я представила, как он этими самыми губами меня целует. Щеки тут же опалило огнем. Со стоном я засунула голову под подушку. Наверно, это все влияние Рини. Иначе зачем мне представлять поцелуи с Роном?

Глава 4

Инеп все не писал. Я старалась как можно чаще навещать к нашему тайнику, но так, чтобы это не вызывало подозрений. А вдруг встреча сорвется?

Рини же усиленно звала меня то на прогулку, то в театр. Приехала труппа Амаллионского театра с гастрольями, и туда пошла вся семья, кроме меня. Ну не могла я ничего с собой поделывать! Как только начинала думать о предстоящей встрече, кончики пальцев тут же начинало щипать, поэтому я старалась и носа не высовывать из своей комнаты.

Даже Рон пару раз стучался ко мне и через закрытую дверь, так как я не открывала, спрашивал, почему я не выхожу.

Хорошо, что матушка Фордис мной особо не интересовалась сейчас. После возвращения парни были для нее на первом месте.

На третий день я немного успокоилась: ну не будет встречи, значит не будет. Чего зря переживать?

– Так! Первый осенний бал уже через две недели, а у нас еще даже не готовы наряды! – сказала Рини, входя ко мне в комнату. – Никаких отговорок! Сейчас мы все вместе нашим женским коллективом едем выбирать ткани. После обеда прибудет портниха.

Отговариваться я и не стала.

Девушки и матушка Фордис со смехом, шутками воодушевленно перебирали ткани, накидывали их на плечи, крутились у зеркала, а я букой стояла в стороне. Бывает такое настроение, когда даже то, что нравится неимоверно, вдруг начинает раздражать. Вот и я со вздохом провела по материи, украшенном причудливым узором, и отвернулась к окну.

Из кареты выходили Инеп и какой-то мужчина, на голову выше него. К сожалению, лучше рассмотреть спутника Инепа мне не удалось. Они слишком быстро вошли в дом к приятелю – Инеп жил немного ниже по улице. Наверно, это и есть тот самый загадочный артефактор-самоучка?

Теперь уже и я присоединилась к восторженному женскому щебетанию, выбирая ткань для будущего платья.

Я уже не раз раздумывала о том, как же Инеп доставляет записки в указанное место. Пришла к выводу, что кому-то из слуг он пишет письмо на почтовик, а тот уже относит записку куда положено. Интересно, кто же это?

После того, как разобрались с нарядом, я вновь наведальась к колодцу.

«Сегодня в десять».

Вот так просто. Без особых указаний, без лишних приписок. Зато, если вдруг кто посторонний обнаружит, то ни о чем не догадается.

С трудом сдерживая счастливое нетерпение, я постучалась в дверь черного входа. После первого посещения Инепа я входила именно с этой стороны дома.

– Проходи, – пропустил меня Инеп и, не спрашивая, помог мне снять легкий плащ.

В кабинете уже был тот самый мужчина. Он поднялся со стула и с приветливой улыбкой ждал, когда Инеп нас представит, а приятель почему-то медлил и как будто нервничал.

– Знакомься, Астари, это эдел Никлас. Никлас, это эдель Астари.

– Приятно познакомиться, – бархатным, обволакивающим, притягательно-приятным голосом произнес мужчина и поцеловал мне руку. От места, где он коснулся своими теплыми губами моей руки, мурашки тут же разбежались испуганной стайкой.

Прочистив горло, я ответила:

– Мне тоже.

И засмотрелась на него. Мужчина был хорош, необыкновенно хорош.

Лет тридцати, по обычным меркам⁵, высокий, даже выше

⁵ Имеется ввиду, не учитывая влияние магических способностей, которые позволяют выглядеть моложе своих лет.

меня, широкоплечий, крепко сложенный, но не тяжеловесный, а стройный – крой его пиджака только подчеркивал это. Элегантные брюки, глянцево-начищенные туфли. Пижон. Я всмотрелась в его лицо. Прямой нос и... как там обычно в романах пишут? Чувственные губы, которые сейчас усиленно сдерживали понимающую улыбку. Еще бы, стоит девица статуей и в открытую разглядывает его, не скрывая восхищения. А оторвать от него свой взгляд я не могла. Самыми примечательными в его облике были волосы и глаза. Темно-русая коса с интересным плетением была перекинута через плечо. На свету волосы отливали медью. Глаза же его были вызывающе-зеленые, цвета первой весенней листвы. Да и вообще его внешность была яркой, той, которая сразу бросается в глаза, от которой сложно оторвать взгляд.

С наваждением справиться удалось не сразу. Через минуту, наконец, отведя от него взор, я села на стул. Без приглашения.

Никлас сел напротив.

– Инеп рассказал мне о вашем маленьком секрете, – сказал мужчина. – И я, пожалуй, смогу вам помочь.

Я тут же достала из кармана заготовленный листок с вопросами и только открыла рот, чтобы озвучить все то, что меня интересовало, как Никлас меня перебил:

– Это подождет, – произнес он. – Инеп говорил, что кое-чему уже смог вас научить. Так?

Я кивнула.

– Показывайте.

Именно в тот момент в голове у меня вместо мыслей была каша и ни одной дельной идеи. Что показывать? Простенькие бытовые заклинания, которые могут применить все, вне зависимости от направления дара? А если они его не впечатлят?

Он сам решил меня подбодрить и направить:

– Без разницы что, лишь бы я мог проследить каков ваш дар, как вы можете с ним обращаться.

Несложное заклинание, что может просушить, например, мокрый платок, получилось у меня только с третьей попытки. Инеп мне не помогал – просто мягко отстранился, представив возможность показать себя во всей красе, но увы. Я долго не могла сосредоточиться, долго не могла совладать с потоками силы, которые были хоть и не мощными, но почему-то малоуправляемыми мной.

– Хорошо, – ничуть не поморщившись произнес Никлас, хотя хорошего в моих магических притязаниях не было. – Ну а теперь уже по специфике дара.

Тут мне демонстрировать было нечего.

– Я пока лишь вижу чужие заклинания на вещах, самой мне ничего в этом деле пока не удастся.

Мужчина задумался.

– Ну что ж, тогда занимайтесь пока с Инепом тем же, что и делали. Я буду сторонним наблюдателем. После этого мне уже будет проще определиться, что с вами делать.

В течение недели поздними вечерами я пробиралась к Инепу в дом, и там мы проводили наши занятия. Никлас, как и обещал, не мешал нам и не вмешивался, действительно просто наблюдал, однако его присутствие плодотворно на меня не влияло. Я скорее, наоборот, отвлекалась на него. Его фигура, казалось, заполняла все пространство в комнате, его запах туалетной воды пробирался ко мне в нос, окутывал как туман, как дымка, и сбивал весь мой настрой. А уж взгляд, вроде бы и доброжелательный, то тем не менее какой-то тяжелый, опутывающий своим вниманием даже, как мне казалось, чересчур пристальным, вынуждал меня отвлекаться и забывать все то, что мне только что рассказывал Инеп. Никлас редко ко мне обращался, но каждый раз при звуке его голоса мне чудилось, что я вся покрываюсь мурашками, а голос не просто звучит – обволакивает меня словно сетями. При этом никаких романтических чувств, как мне думалось, к Никласу у меня и в мыслях не было. Если только он мог завлечь своей, мягко говоря, привлекательной внешностью, флером какой-то загадки, тайны. Что не исключало все еще испытываемого мною опасения. Вот только пока ничего не подтверждало, но и не опровергало этого.

Все дружно делали вид, что ничего такого не замечают.

Я как всегда тихонько выскользнула из дома к Инепу. Иногда меня и саму пугала та легкость, с какой мне удавалось скрывать свои тайные вылазки.

Инеп чуть ли спустя пару секунд открыл мне дверь.

Расположились мы вновь в комнате моего учителя, однако в это раз он почему-то замешкался с началом проведения занятия.

– Сейчас принесу чай, – произнес Инеп и скрылся.

Порыв воздуха от закрывающейся двери вызвал такое ощущение, как будто меня обдало холодом. Возник иррациональный страх и стало не по себе.

Ерунда какая.

Почему он ушел за чаем? Со служанкой Инепа я познакомилась, когда во второй раз была у него в гостях. Немного сварливая, но потрясающе готовящая женщина по имени Алида. Она, как оказалось, работала у Дорвенов уже пару десятков лет и в столицу провинции переехала к Инепу. А сейчас он сам пошел за чаем... а как же Алида? Да и вообще, никаких чаепитий мы еще ни разу в присутствии Никласа не устраивали...

– Может быть мы уже оговорим условия нашего сотрудничества?

Условия? Хотя это вполне логично, ведь за просто так мало что делается. Я девушка хоть и не бедная, но доступ к своим деньгам все еще не имею, потому как на все мелкие расходы, а крупных пока и не было, мне деньги выдает матушка Фордис.

– Так что за условие? – робко поинтересовалась я.

– Вам нравится жить с Ровенийскими? – вдруг спросил мужчина.

Я растерялась. Какой-то... странный вопрос.

– Вполне, – ответила я.

– И вы бы не хотели куда-нибудь уехать? Так сказать, посмотреть мир, узнать новое? – продолжал засыпать меня вопросами Никлас.

– Я не задумывалась раньше об этом, – пробормотала я.

Вот сейчас я соврала. Разумеется, я об этом думала, вот только кто и куда меня отпустит? Увы, я не вольна сама выбирать свое будущее...

Неужели он хочет мне предложить уехать? Только вот куда? Да и вообще, зачем? Какой в этом прок?

– Вы думаете, что ваши опекуны вас не отпустят? – вкрадчивым голосом спросил мужчина.

Я кивнула. К чему он клонит? Не поеду я никуда. Нехорошие подозрения стали закрадываться в мысли. И возникло смутное чувство, словно должно произойти нечто неприятное.

– А что, если мы им ничего и не скажем? – мило улыбнувшись, предложил Никлас.

– То есть как? – удивленно взирая на него, спросила я.

– Вы уедете со мной в столицу. Тайно. Будете жить в моем доме. Не беспокойтесь, всем необходимым я вас буду обеспечивать. И, разумеется, я буду обучать вас магии – потенциал у вас, как я убедился, есть.

– А взамен? – дрожащим голосом поинтересовалась я.

Ответ меня вряд ли обрадует. И смотреть в сторону

Никласа больше не хотелось. Надо бежать!

– Взамен, – продолжил мужчина все тем же вкрадчивым голосом, – вы станете моей любовницей.

Я вскочила со стула.

– Вынуждена отклонить ваше предложение, – твердым голосом ответила я.

Он что, присматривался не к моим способностям, а ко мне самой? Я же молоденькая и глупенькая дурнушка, а он вон какой. Дикость несусветная!

– Ну что вы, Астари, – сказал Никлас, поднявшись со стула и приблизившись ко мне, – вы же не знаете, от чего отказываетесь.

И знать не хочу. Никакая магия не стоит подобных предложений.

Он поднял свою руку к моему лицу. Я отшатнулась. Мужчина же на мое движение лишь хрипло рассмеялся.

О Рауд, а где же там Инеп?!

Никлас ухватил пальцами мой локон, выбившийся из пучка.

– Я ведь тебя не неделю назад впервые увидел, – произнес мужчина, наклоняясь к моему лицу. Отодвигаться дальше мне было уже некуда: я пятой точкой уперлась в стол. А обойти Никласа мне теперь мешали его руки, которыми он оперся о стол по обе стороны от меня. Попалась. Сама себя загнала в ловушку. – Как-то около месяца назад я гостил у своего друга, и тут к нему вечером пришла ты, – все это

он, практически шепотом, говорил мне на ухо, слегка касаясь его губами. – Почему-то Инеп не стал нас знакомить. Я уж было подумал, что он на тебя имеет определенные планы, а он всего лишь занимался твоим магическим обучением. Альтруист, – хмыкнул мужчина. – Ты мне еще тогда очень понравилась. Необычная и тем притягательная. Я из окошка наблюдал за вами, когда вы в саду учились светляков создавать. Способная девочка, – прошептал Никлас и подцепил пальцем мой подбородок.

Я не стала поддаваться соблазну утонуть в зелени его глаз. Воспользовавшись тем, что хотя бы с одной стороны теперь не было преграды, я выскользнула из капкана. В голову пришла идиотская мысль, что движение это было прям как в танце, только уж в очень неприличном и откровенном.

Быстро переместившись по другую сторону от стола, я собрала последние крупички решительности и как можно более твердым голосом произнесла:

– Эдел Никлас, повторяю – ваше предложение я принимать не буду.

– Ты просто не знаешь, от чего отказываешься, – он вроде бы и улыбнулся, но не так мило, как ранее, отчего мне стало еще страшнее.

С трудом сглотнула горькую слюну. На столе заметила стакан с водой, выпила его залпом, перевела дух и заорала:

– Инеп!

– Глупенькая, – рассмеялся Никлас, качая головой. – Не

придет Инеп. К тому же, по причине своей неопытности, ты не знаешь, что на комнату наложен полог тишины.

Нет, ну дура я, однозначно! Глупая и наивная дура!

Вот только делать же все равно что-то надо? Просто так меня отсюда никто не выпустит.

Пресс-папье. Тяжелое, увесистое пресс-папье лежало на столе поверх бумаг.

Обольстительно улыбаясь, я вновь обошла стол. Правую руку аккуратно задвинула себе за спину, а после кончиками пальцев подцепила тяжелую штуку. Никлас купился на улыбку и шагнул ко мне. Властно сжав мою шею, он наклонился к моим губам. А я позволила ему это. Позволила себя поцеловать.

Мой первый в жизни поцелуй случился с мерзавцем! И все же я не отвечала на него, а Никлас пытался усилить нажим, проникнуть языком ко мне в рот. Гадость!

Руки у меня не слабые, да и размах получился отменный. Удар пресс-папье пришелся куда-то в район виска. Никлас с тихим стоном сполз по мне на пол, при этом напоследок умудрился прокусить мне губу до крови.

Отпихнув его в сторону, я направилась к двери, сжимая в руке массивное орудие, – там же еще Инеп. Истерически хихикнув, я представила себя удерживающей в руках канцелярскую принадлежность и выступающей против боевого мага. Тоже мне, воительница.

Колени предательски дрогнули, голова закружилась, а

горло сдавили тиски удушения. И, выпустив из рук свое импровизированное орудие, которое с грохотом упало на пол, я грохнулась почему-то в обморок.

Первое, что я увидела, открыв глаза, был балдахин над моей кроватью. Тот самый, который красивый, нежно-персиковый. И было в этом какое-то несоответствие, неправильность, как будто подсознательно я ожидала увидеть нечто другое. Что именно – не знаю, но другое.

К горлу подкатила тошнота. Я с трудом начала подниматься с кровати – с координацией возникли проблемы. Спустив ноги, задела тазик. То, что сейчас мне и нужно было, потому как сил добраться до ванной я не наскребла.

Тошнило меня долго, противно, выворачивая наизнанку мой, видимо, давно не видевший еды, организм. Упала, обесилев, я тут же, лишь отодвинув тазик в сторону и широко раскинула руки, которые дрожали.

В таком жутком виде меня и нашла матушка Фордис. На пару со служанкой Эсерт они дотащили меня до ванной, где помогли немного прийти в себя и привели меня в порядок.

Эдель Фордис что-то причитала, сокрушалась о чем-то, но я плохо слышала. Да и вообще, отвратительно соображала. Меня напоили жутко горьким лекарством. Когда вновь уложили на кровать, быстро уснула или провалилась в беспамятство...

При следующем своем пробуждении чувствовала себя

практически нормально.

Я в своей комнате. Значит, ничего страшного не произошло? Все разрешилось благополучно? Видимо так, а самочувствие не в счет.

И тут же накатили стыд, раскаяние, отчаяние: Ровенийские теперь все знают. О Рауд, во что же я ввязалась? Что я натворила?

Лежа на боку, я подтянула к животу колени, укрылась с головой и постаралась не думать, потому как мысли вызывали только страх и озноб.

В комнату зашла матушка Фордис.

– Асти, сейчас к тебе придет эд Хилм, еще раз осмолит тебя и... – она замялась, а я, выглянув из своего убежища, успела перехватить ее полный жалости и тоски взгляд, прежде чем она отвела глаза. – И нам нужно поговорить.

Это уж точно: надо поговорить. Вот только этот взгляд матушки Фордис меня смутил и вызвал недоумение, возбудив некоторые подозрения. Если я дома, то, значит, все обошлось? Хотя здоровье мое не в порядке. Наш целитель, эд Хилм, сейчас все разъяснит, и все будет хорошо. Ничего страшного не произошло, какое-нибудь недоразумение и только. А взгляд эдель Фордис... может ей просто жаль меня, дуреху, что ввязалась в глупую авантюру?

Эд Хилм выглядел так, как обычно представляют себе люди, слыша слово «целитель» – милый старичок в строгом костюме и с неизменным чемоданчиком.

– Как себя чувствуешь? – спросил он, присаживаясь на край кровати и проводя рукой над моим лбом, а затем и над всем телом.

Его я знала приблизительно столько же, сколько и Ровенийских. Пару сложенных переломов, несколько сведенных шрамов на разбитых коленках и локтях, зашивание брови – в свое время мы часто с ним общались. Активный ребенок часто расплачивался за непоседливость.

– Нормально, – отозвалась я, настороженно наблюдая за его манипуляциями. Да и по сравнению с тем, как я ощущала себя еще недавно, сейчас все действительно было неплохо.

– Все в норме, – сказал он, закончив осматривать меня, удовлетворенно кивнул и поднялся.

Матушка Фордис, которая стояла в стороне, прижимала к губам ладони и с дикой тоской взидала на меня, от чего мне стало не по себе.

– Эд Хилм, мне остаться или вы все сами? – срывающимся голосом спросила она.

Я повернула голову к целителю. Что там еще такое?

– Лучше останьтесь и поддержите девочку, – безнадежно усталым голосом, полным сожаления, ответил он и принялся мерить комнату шагами.

Эдель Фордис присела рядом со мной, обняла меня за плечи одной рукой, а другой начала перебирать мои волосы, иногда поглаживая по голове. Только вот это ничуть не успокаивало меня. Страх липкими, холодными, пронизывающи-

ми насквозь душу нитями, опутывал меня. Так страшно мне не было, даже когда я не могла вырваться от Никласа, хотя вот десять лет назад в Дрине...

– Эд Хилм, может быть, вы уже скажете, в чем дело? – спросила я, не выдержав этого напряженного молчания.

Видела, что он собирается с мыслями, но сил терпеть тягость этого положения не находилось.

– Астари, ты знаешь, как работает целитель? – вдруг спросил Лейв Хилм.

Я неопределенно повела плечом.

– Ну так, в общих чертах, – ответила я.

– Целитель лечит пациента своей энергией, а вот как, куда, сколько направить энергии зависит от многих факторов, – начал объяснять эд Хилм. – От недуга, разумеется, от того обычный человек или маг, а если маг, то есть сила или она заблокирована, – тут он остановился и внимательно посмотрел мне в глаза. Я виновато их опустила. – Тебя принес ко мне Ронольв – он бежал два квартала с тобой на руках. Извозчиков ночью не всегда вовремя удастся найти, – рассеянно произнес целитель. – У тебя был сильнейший аллергический шок. Как оказалось, у тебя аллергия на велерену⁶. Видимо, ты была слишком спокойной девушкой, чтобы принимать успокаивающие на ее основе. А тут... – он вновь принялся ходить по комнате, сложив руки за спиной. – Тут моя вина. Как бы плохо ни было пациенту, я обязан полностью

⁶ Велерена – аналог валерианы

проверить состояние организма, чтобы продумать все свои действия и чтобы не ухудшить состояние. Мы с тобой знакомы давно, и, разумеется, я знал, что дар твой заблокирован. А когда я стал тебя лечить... да, я не мог предположить, что ты каким-то образом разблокируешь его, не поставив в известность опекунов, не говоря уже обо мне. Вот только я был обязан сначала все проверить. Это первое указание, которое вдалбливается в умы еще студентов-целителей. И в данном случае даже твой амулет не скрыл бы истинное положение вещей. Мы, целители, несколько иначе работаем.

Такие подробности... С каждым словом эда Хилма очень-очень плохое предчувствие только усугублялось.

– И не зная о подобной твоей особенности, я стал тебя лечить, – продолжал упавшим голосом целитель. – Мне это удалось и шок я ликвидировал, как и его последствия. Вот только... Неправильные потоки энергии, неправильно рассчитанная приложенная сила, неправильное взаимодействие стихий... Все это каждый раз приводит к разным последствиям. Иногда их вообще нет, иногда они незначительны, а иногда... У тебя могли отказать ноги, ты могла бы лишиться зрения... – все более тихим голосом, на грани слышимости, говорил целитель. А я вцепилась в руку матушки Фордис. Самочувствие мое было не самым ужасным. Он же сам сказал – все в норме. Последствий нет? Я еще пару секунд тешила себя надеждой. – Ты не сможешь иметь детей.

Несмотря на то, что слова были произнесли очень тихо,

мне казалось, что я слышу, как они грохочут: как гром, как ураган, как шторм.

Непонимающе перевела глаза на матушку Фордис. Она прижимала мои руки к себе и, поджав губы, беззвучно плакала. Как дождевые капли, слезы текли по ее лицу. Она что-то прошептала. Что? Я не знала. Грохот не прекращался, я ничего не слышала больше. Покачала головой и повернулась к эду Хилму. Нервно сжимая руки за спиной, он, поймав мой взгляд, спрятал их в карман брюк, а глаза тут же отвел. Винит себя? Этот взрослый, мудрый человек, спасший столько жизней, поставивший на ноги столько людей, винит себя? Выдернув свои руки, я поднялась. Эдель Фордис посмотрела недоуменно. Слезы? Крик? Этого не было. Может, позже и будут, а пока нет.

Я приблизилась к целителю. Грохот утих, и я услышала, как всхлипывает матушка Фордис.

Слегка сжала предплечье эда Хилма и прошептала:

– Спасибо вам.

Он удивленно посмотрел на меня. За моей спиной раздалось «Ах!».

– За что? – он тоже шепчет.

– Вы спасли меня.

– Но как же...

– Не ваша вина. Не надо.

Мгновение застыло в тишине. Все молчали, слышно было даже, как случайно залетевшая сюда пчела билась в стекло

закрытого окна.

– Ничего нельзя сделать? – спокойно спросила я.

– Ничего из того, что мне известно.

А известно ему многое – целитель Хилм один из лучших.

Я кивнула.

– Если это все, то вы не могли бы покинуть мою комнату? – вежливо попросила я.

Эд Хилм легко согласился и принялся собирать свои вещи, а эдель Фордис все также недоуменно на меня смотрела.

– Она в шоке, – шепотом сказал целитель ей.

Неужели думал, что я не слышу? Впрочем, неважно.

Они ушли, закрыли дверь за собой, и я осталась одна.

Подошла к окну.

Начало осени. Еще нет холода, но утром и вечером уже слишком свежо, чтобы ощущалось лето, которое ушло слишком быстро.

Пчела так и не нашла выхода на улицу. Я открыла окно, выпуская ее на свободу. Хотела сесть тут же, на подоконник, но... Я по стене сползла вниз. Уткнулась лицом в ладони и поджала колени к животу.

Я не задумывалась о детях раньше. Всерьез не думала. Нет, я предполагала, что когда-нибудь у меня будет моя собственная семья: муж, дети, семья, которая всегда вместе, где царит атмосфера уюта, взаимопонимания. Всем хорошо, все счастливы. Только вот когда-нибудь, не сейчас, потом.

Потом не настанет.

И в этом нет вины эда Хилма. Никакой.

Я сама убила свое будущее, свое продолжение, свое воплощение в так никогда и не рожденных детях. Убила обманом, лютой неблагодарностью, глупостью.

Легла на пол. Отдельные ворсинки ковра не собирались в общую картину. Провела по ним рукой.

Апатия. Усталость. Безразличие. И больше ничего на душе.

Меня переложили на кровать. Кто? Какая разница. Не важно. Ничего не важно.

Опираясь на спинку кровати, сидела и смотрела. Вперед. В пустоту. Что дальше? Пусто. В голове. В душе. Даже мыслей нет.

В дверь постучали. Не дождавшись ответа, в комнату вошел эдел Вистар. Взял стул, придвинул к кровати. Он внимательно смотрел на меня. Взгляд тяжелый, непроницаемый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.